

ГЛАС ВСЕЛЕННОЙ

6.96

Информационно-публицистическая
и литературно-художественная газета

Россия — Вселенная Духа и последняя обитель Вседержителя
посреди Черной Пропасти, развернутой в ад.

Русский Крым. Севастополь. Херсонес Таврический.
Июнь 1996 года. У развалин Храма Святого Владимира Крестителя,
возведенного на основании древнего Православного Собора.
Здесь в древней Корсуне, на берегу Русского моря крестился
в Веру Православную Великий Князь Великой Руси Владимир.

**"Заблудшие народы
новый ждут
авторитет!"**

В предвыборном угаре

**"Последнее
Предупреждение!"**
Отчет об исполнении
ПРОРИЧАНИЯ

Т.Дичев
АУРА

РОКОВАЯ КЛЯТВА
С Богом и дьяволом
в душе

А.Чернобровкин
"Денница"
"Скоморох"
Рассказы

"Президентом станет Вова" — не раньше 2000 года ...

В людях всегда подкупает открытость и прямота, радущие и хлебосольство. 10 июня с. г. Владимир Жириновский радушно и хлебосольно, прощая грехи врагам своим, как и подобает подлинному христианину и русскому, кормил и поил клевещущих на него (к сожалению, таковых немало в средствах массовой демократической пропаганды) среди прочих присутствовавших на банкете в Центральном Доме журналистов. Банкету предшествовала пресс-конференция, на которой не было виляний и увертываний, а были именно прямота и открытость. Владимир Вольфович свысока отечески, снисходительно взирал на братию щелкоперов, глаза его были мудры и грустны, и выражали они то же, что говорилось напрямую: мол, что ж вы, сукины дети, делаете? я один говорю вам всю правду как «на духу», я кормлю вас и пою, пытаясь достучаться до дремлющих мозгов ваших, разбудить беспробудно спящую совесть... а вы же меня и поливаете, подлецы! Как на проказливых, не в меру распалившихся детишек глядел вождь на борзописцев. А в их пустых и алчных глазах горел огонь иного рода: скорей бы к бутылкам и тарелкам!!!

Понятное дело, наевшись и напившись, приглашенные оболгали кормильца и поильца, надергав фрагментов из его речей, слепив их по своему усмотрению, снабдив едкими толкованиями... а по большей части, как обычно, просто замолчали и речи, и само событие, будто и не было ничего, будто не болели у них потом головы с похмелья от обильной выпивки, после пары сотен опорожненных бутылок. Но не о них речь, к ним пора бы уже и привыкнуть, к неблагодарным. Речь о самом Жириновском — несдающем ся, бросающем вызов, презирающем обстоятельства и режущем правду-матку за больную, униженную Россию. И пресс-конференцию и банкет надо было транслировать по всей России, по первому каналу. Вот тогда у нас сейчас был бы уже наконец первый президент, выражавший интересы Нации и Державы! Трагедия в том, что Россия — по вине тех же пьющих и жующих и их хозяев — не видит защитника своего и спасителя. Всем хороши и коммунисты, и патриоты типа Власова, Брынцалова, Шаккума... Но мы видели хоть раз, слышали, чтобы они бросили прямо в лицо вопрошающему тот единственный ответ, который замирает на наших онемевших языках, не вырывается из сердец десятков миллионов русских людей, но стучит в них с острой, щемящей болью? Нет! Они все осторожны, они «дипломатичны»... и эта осторожность, эта «дипломатичность» в конце концов отворачивает от них. Жириновский один говорит в открытую то, о чем молчат все другие. Один!

Фотографии нашего
специкорреспондента

Бот вам крохотный пример с банкета. Я стоял у стола напротив лидера ЛДПР, когда репортер с телевидения Чехии поинтересовался у Жириновского, что он как будущий президент думает о предстоящем вступлении Чехии в НАТО? Чтобы ответили Зюганов, Ельцин, Лебедь и пр.? Они бы ответили так: это, мол, нехорошо, не надо этого делать, а то мы обидимся и примем какие-нибудь меры (на которые всем в мире плевать). Все это мы слыхали. Но что же ответил Владимир Вольфович?

— Как можно быстрее вступайте в НАТО! — моментально отозвался он. — Вот вам, пожалуйста, мой ответ.

— Но вы изменились, — ошелестил вопросящий, глядя на помощницу-оператора, согбивающуюся под тяжестью камеры, — еще два месяца назад вы говорили совсем другое!

— Нет! — Жириновский широким жестом обвел стол, ломящийся от яств, как бы приглашая всех заняться более серьезным делом, чем обсуждением сомнений и вопросов какой-то там никому не ведомой крохотной Чехии. — Я просто вас предупреждаю. Вступайте в НАТО. Но в планах НАТО уничтожение России. И защищать себя мы будем на вашей территории, ведь вы же между нами. Если там будут стоять натовские войска, то я 22-го июня (намек на «внезапную» агрессию III рейха) не допущу! Я 20-го июня натовские войска уничтожу на территории Чехии, Венгрии, Словакии и Польши. Вместе с этими странами. Полностью! Я не буду уничтожать отдельные танки. Мы будем полностью все уничтожать! Ни одного натовского солдата, ни одного натовского танка близко не подойдет к России! Никогда!

Оробевший репортер дрожащим, пропадающим голоском поинтересовался:

— А как? Ядерным оружием?!

— Всеми видами оружия! — отрезал последнюю надежду Жириновский. — Все, что есть, уничтожим полностью! Не приближайтесь к границам России! Раз и навсегда забудьте Россию! А вступать — вступайте куда хотите. Но получите такой сокрушительный удар... Это Сталин боялся. Он кавказец. Я не кавказец. Я не боюсь!

Вот это ответ настоящего мужчины. Ответ прямой и открытый. Ответ державного защитника люда российского. Жириновский сказал вслух то, что билось в сердце каждого настоящего русского: с врагом надо говорить только языком силы, иного языка он не понимает! НАТО враг — страшный, беспощадный враг! Через год-два натовские головорезы займут наши базы на землях Украины, Прибалтики, Молдавии... Мощный боевой кулак агрессора уже сжимается в Боснии, готовясь нанести удар по России — семьдесят тысяч убийц могут быть переброшены к нам, в Москву за час-полтора после получения приказа. Россия в окружении, в кольце. И кольцо это сжимается. Но никто кроме Жириновского не смеет открыть рта. Прочие если говорят что-то об угрозе, то тут же бросают блудливые взгляды — а что, мол, им самим перепадет, ежели в очередной раз закроют глаза на продвижение вражеских бронированных колонн и ядерных ракетоносцев поближе к Москве. Подłość, мерзость, продажность везде и повсюду. Продажные не любят прямоты и открытости...

Банкет прошел на славу. С песнями и плясками, под рукоплескания и грязнувшую лиху: «Любо, братцы, любо, любо братцы жить. С нашим атаманом не приходится тужить!» Жириновского проводили до машины. Я не сталозвращаться в залы Дома журналистов, где еще доедались и допивались остатки великолепного пиршества — с уходом человека в желтом френче все потускнело там и явилось в своем подлинном виде. Предвыборный, угарный пир во время чумы продолжался.

Юрий Петухов

... а до того времени Россия может не дожить!

Р.С. На мой взгляд, В.Жириновского опять обобрали — процентов десять — двенадцать голосов избирателей, отданных ему, распределили между более угодными властям. Однако, точно судить не берусь, потому что не знаю, каковы были разнорядки по выборам на претендентов. Что же делать, за них пока нет ни армии, ни полиции, ни госаппарата, да и сама Россия беспризорная и одичала не ведает, что творит. Четыре страшных, апокалиптических года впереди. Пропасть!

Голос Вселенной

Здравствуйте,
уважаемый Юрий Дмитриевич.
Скажите, ну что за жизнь сейчас настала?
Посмотришь вокруг — и волосы дыбом встают. К чему идем, куда катимся? Все силы уходят на борьбу за выживание и скоро залает, завоюем и друг друга сожрем. А потом что? Даже старые добрые ужасники почему-то не пишутся. Вместо этого вот что получилось. Может, вообще пора переквалифицироваться?

Надя Никитина.

* * *

Какие дьявольские козни
Ввели людей в столь тяжкий грех?
Осатанев от смертной розни,
Стреляют, режут вся и всех.

Святая заповедь Господня:
Не укради и не убей, —
Давно осталась в преисподней
С соизволения властей.

И над святыми глушились,
Стыд, совесть, честь втоптали в грязь.
Грешат и Бога не боятся,
Признав публично с чертом связь.

Глас разума не стали слушать,
Бессилен всякий суд людской.
А нечестивцы в свои души
Пустили беса на постой.

Судьбу Содома и Гоморры
Неплохо вспомнить иногда.
Гнев Божий скоро грянет, скоро
И поздно каяться тогда.

* * *

Мы раньше были недовольны
Бровями дяди Ильича
И, рассердившись, своевольно
Взмущили воду горяча.

Порушил прежние порядки,
Мы крепость взяли «на ура»,
Мечом махали без оглядки,
А жизнь, однако, не игра.

Так в чем же смысл? За что боролись
И что хотели получить
На то, похоже, напоролись
И больше не о чем судить.

* * *

О, Боже, где же справедливость?
Как можно дольше позволять
Многострадальную Россию
Как девку-блудницу раздевать?

О, Боже мой, ну сколько можно
Бесам невинных истязать?
Жить честным людям невозможно
Осталось петлю завязать.

От негодяев в мире тесно,
Грызутся, как зимой волки,
И разъезжают повсеместно
Бандитов злобные полки.

Стрельба, резня, по локти руки
Невинной кровью залиты.
Вопит душа от смертной муки,
Горят последние мосты.

Голос Народный

"Заблудшие народы НОВЫЙ ЖДУТ авторитет"!

Господь, услыши людские стоньи,
Увидь моря кровавых слез!
Не отвернись в угоду трону —
Ты сам страданья перенес.

Господь, воздай всем лиходеям,
С небес на землю погляди!
Пошли возмездие злодеям
И терпеливых награди.

* * *

Пляшет бес во поле чистом,
Разыгрался под луной,
Оглашая небо свистом,
Кружит в паре с сатаной.

Черным пеплом заметает
Страны, царства, города,
Люд наивный увлекает
В мир иллюзий, в никуда.

День за днем уходят годы,
Меркнет слава прежних лет,
Но заблудшие народы
Новый ждут авторитет.

Пляшет бес, ликует свита,
В мире хаос и развал,
Честь и совесть позабыты —
Кто успел, тот оторвал.

Как бы вам не подавиться,
Жизнь всему ведет отсчет,
Кровь людская не водица,
Каждый свой оплатит счет.

* * *

Страна моя, ты так прекрасна,
Твои леса, поля, луга,
Твои природные богатства —
Все искушение для врага.

Страна моя, где справедливость?
Ужели это страшный сон?
Поверженная, ты склонилась
Под погребальный перезвон.

Страна моя, ужель не тушишь
Что сатаны признала власть?
Какому ангелу ты служишь?
Какому черту предалась?

Господь, внемли моей молитве.
Свою праведной рукой
Даруй мне сил в великой битве,
Споши мое благостный покой.

Вы, Силы Высшей Благодати,
В душе свершите перелом.
Своей поддержкой не оставьте.
Прошу вас только об одном:

Вести меня своей дорогой,
Во мраке освещая путь,
Не дайте от того порога
В минуту слабости свернуть.

ОТЧЕТ

об исполнении ПРОРИЦАНИЯ, опубликованного в "ГВ" 1.1996 г.

Первая четверть Первого временного провала, проходящего под знаком "прелюдии" предстоящей абсолютной трагедии, близка к завершению. К нашему глубочайшему сожалению, Прорицание сбывается неотвратимо. Северная Америка и подвластные ей страны Европы обречены. Администрация не прислушалась к ультиматуму Извне и по сути дела проигнорировала факт небывалых морозов и наводнений начала года. Тридцать шесть американских церквей всыхнули адским огнем под багровым ночным небом, приводя в ужас души простых смертных аборигенов. Это был предилюльский Знак, вещающий о переходе во вторую четверть провала. Сановные одухотворенные из Инферно биокадавры США остались глухи и к этому Знаку. Тогда Небо ниспослало еще один: едва не погиб в воздушной катастрофе, "попав в яму" на своем сверхнадежном президентском "боинге" Билл Клинтон. Президент не понял последнего Предупреждения Свыше... У обреченных и нераскаявшихся в злодеяниях Господь Бог отнимает зрение, слух и разум. Но самое страшное еще впереди. Относительно благоприятный период "прелюдии" еще не принесет Америке многомиллионных жертв и тотальных разрушений. Но оставшиеся до Начала Фазы Необратимости полтора года пробудят многих спящих. Ибо никому во всех вселенных бесконечного Мироздания не дано нарушать Основного Закона Бытия. И еще до конца этого года мы станем свидетелями потрясений мира, утратившего благодать.

Комментарий главного редактора.

Даже если вся Америка провалится в Преисподнюю, народам мира от этого станет только лучше и вольготнее жить на белом свете. Мне не было бы дела до этой сатанинской страны, если бы она не убивала — целенамеренно и изощренно — Россию. Мы сами подходим к концу II тысячелетия от Рождества Христова с чудовищными итогами, мы сами на грани исчезновения. И что нам готовит 4 июля? И что нам готовит этот безумный и роковой год?! И чего ожидать от дьявольского переворота — года 1999-го?! Конец века. Конец Света! Сколько цивилизаций погибло до нас? Неужели и нам пришла пора?! И успокоится ли "мирское сообщество", истребив по своим планам три четверти русских? А вдруг нет?! Мы утратили инстинкт самосохранения! Нас будут добивать... мы будем помогать им... мы уже давно делаем это.

**"Любой мятеж будет подавлен!
И подавлен предельно
жестоко! Тот, кто
хочет ввергнуть страну
в пучину кровавого
хаоса, не заслуживает
ни малейшей жалости!"**

А.Лебедь

Так что же все-таки случилось в ночь на 20 июня с.г. в "верхах"? Только История — матушка ответит на этот вопрос... Одно ясно без слов: "всюду деньги, деньги, деньги! всюду деньги — господа!"

С Богом и дьяволом в душе

Елена Дель

Роковая клятва

Между Богом и дьяволом

Очень уважаемый господин главный редактор!

Мое «Письмо к людям» — не фантастика и не приключения. Все в моем письме правда. Но письмо мое необычно, потому что в нем описывается моя жизнь как бы в двух мирах, обычном, реальном мире и другом мире, на самом деле существующем (но о чем не подозревают многие люди) в мире, в котором, кроме нас, людей, живут еще и невидимые личности — добрые духи и злые духи — демоны.

Я посыпала мое «Письмо к людям» в разные редакции газет и журналов. И мне посоветовали, послать письмо в Ваше издание «Голос Вселенной».

Я сейчас живу в Германии и посыпаю мое письмо из Германии, раньше мы жили в городе Экибастуз (Казахстан). Я попыталась узнать, издается ли газета «Голос Вселенной» до сих пор или нет, но мне не ответили точно. Поэтому посыпаю письмо, надеясь на лучшее. Очень бы хотела получить от Вас ответ. Можете ли Вы напечатать мое «Письмо к людям»? И если Вы не можете этого сделать по каким-то причинам, может быть, Вы дадите мне совет, к кому мне еще обратиться, очень надеюсь на Ваш ответ. Желаю Вам всего доброго.

С большим уважением
Елена Дель, Германия.

15.VII.1996 г.

Письмо к людям

Я не могу не написать это письмо. И я думаю, где мне найти те проникновенные слова, которые нужны, чтобы люди поверили, что слова мои истинны. Сначала я напишу о себе.

Я родилась в ноябрьскую ночь в обычной советской семье. Кроме мамы и папы в нашей семье была еще бабушка и мой брат сестрой. Семья у нас была дружная. Но больше всех я любила свою бабушку. И она очень любила меня. Я росла добре девочкой и когда кто-нибудь плакал, я подходила к нему и говорила: «Не плачь, я же с тобой». Мне казалось, что одно мое присутствие должно было избавить от горя и печали.

Когда мне было три года, была эпидемия гриппа и я заболела. Врачи едва спасли мне жизнь и я росла болезненным ребенком.

Как все люди рано или поздно узнают о том, что они умрут, так и я узнала об этом. Я не думала о своей смерти, но мысль о том, что бабушка когда-нибудь умрет, заставляла меня печалиться и плакать по ночам. И я просила кого-то, чтоб предложил ее жизнь.

У нас был дачный участок на берегу речки, откуда открывался прекрасный вид. Высокое голубое небо и бескрайние зеленые луга с перелесками.

Как все дети я пошла в школу. Едва научившись читать, я полюбила это занятие и очень много читала. Однажды, когда мне было четырнадцать лет, мне попалась статья в журнале о том, возможно ли бессмертие людей.

Нас растили атеистами и было естественным, что я не верила в Бога и ничего не знала о бессмертной душе. Я очень жалела людей из-за того, что они умрут и поэтому однажды, стоя на берегу нашей речки, я дала клятву, что сделаю все, чтобы люди стали бессмертными. И не могла я знать тогда, что о моей клятве знала не только я, но знали еще Бог и дьявол. «И никогда не клянитесь», — сказал Господь, приходивший на Землю в образе человека, но я ничего не знала об этом. От нашего поколения была скрыта книга книг Библия.

Если бы кто подсказал тогда, как надо жить!

Господь не оставил меня. Мне были посланы сны.

Однажды я гуляла на улице. И вдруг увидела мальчика. Он катался на велосипеде. Через неделю я пошла в новую школу и оказалось, что с этим мальчиком я буду учиться в одном классе.

Первый сон. Кругом вода. Огромные волны. Небо в темных тучах. Сверкают молнии. И люди на плоту и я среди них. Люди давят друг на друга и мне уже нечем дышать. И вдруг чьи-то сильные руки выхватывают меня из толпы людей. И спасают. Это был он, этот мальчик. Я проснулась и думала о своем сне. Если бы я знала тогда,

что мне была послана любовь, чтобы спасти меня.

Но и дьявол не дремал. Другой юноша не менее прекрасный смотрел на меня такими глазами, что трудно было не дрогнуть сердцу. И сомнения мучили меня, где же истинная любовь.

Наступает последний вечер в школе. После вечера я закрылась в своей комнате и до утра проплакала. Мне казалось, что все в моей жизни кончено. Я расставалась и со школой и с детством.

О своей клятве я вспоминала в это время как о детской.

Мы поступили в разные институты в разных городах. Я в строительный, он в медицинский.

Второй сон. Я катаясь на коньках одна. И мне грустно. Вдруг я слышу чудесную музыку. Я бегу на коньках навстречу музыке. Вдруг мне открывается огромный каток. Там много людей.

Музыка все громче. И я бегу навстречу людям и своему счастью. Я проснулась и думала о своем сне. «Я должна любить людей и идти навстречу им», — думала я. Нельзя сказать, что после этого сна я сразу полюбила всех людей. Но жизнь в то время казалась мне розовой и прекрасной и я не верила в зло.

Я решила подобно Лариной Татьяне написать письмо своему любимому. Но даже в письме отразились мои сомнения в истинности моей любви.

Какое письмо прислал он мне в ответ. Какой надеждой он озарил мою душу. Проходит время и мальчик приезжает. Мы встретились. Я отдухнувшись после экзамена и мы договариваемся о следующей встрече. Когда мы должны были встретиться, я была больна, разбита физическим страданием и мне не надо было идти, но я пошла. Ничего хорошего из нашей встречи не получилось. И он решает не встречаться со мной больше. Горе мое не описать словами, но я жалею почему-то больше его.

Я кончила институт и по распределению меня направили в город Экибастуз. Там в то время была объявлена комсомольская стройка. Я приехала и на следующий день встретила одного человека. Он клялся в своей любви. И я поверила ему. И однажды я сказала своему милому, что у нас будет ребенок. Прекрасный мальчик. Но он ударил меня и сказал идти в больницу. Потом собрался и уехал. А я осталась одна. Мне было тяжело от того, что я принесла столько горя

своим родителям. Но даже и в это время я не переставала верить в добро.

Прошло несколько месяцев и у меня родился сын.

Через год я опять пошла работать.

Работала мастером на стройке и все было прекрасно. Когда моему сыну было четыре года, я познакомилась с одним хорошим человеком и он стал моим мужем. У нас родилось еще двое детей. Все было бы хорошо, если бы не мое здоровье. Оно ухудшается с каждым днем и болезням моим нет числа. Ты, невидимый враг мой, раньше срока ты хочешь сжечь меня со света белого. С печалью смотрю я на своих детей и нет в моем сердце надежды вырастить их. Мне помог А. М. Кашировский. После нескольких сеансов по телевидению, я ночью услышала голос: «Ты будешь здоров». Когда был последний сеанс, я сидела на стуле, а муж и дети, которые тоже находились в комнате, уснули. Вдруг комната озарила золотым сиянием. И у меня было такое чувство, что меня нашли, как бы я не скрывалась. Сияние продолжалось несколько секунд. От болезней моих не осталось следа. Я прекрасно себя чувствую и все могу делать. В эти дни враг поджидал меня повсюду. Я была очень неосторожна в разговоре и он решил убить меня. Но Господь спас меня. В эти же дни кто-то стал разговаривать со мной в мыслях. Мне задавали вопросы и я отвечала. Я поняла, что комната моя полна невидимых существ. И знала, что должна простить всех, кто сделал мне когда-то зло. И я простила всех.

В эти дни я смотрела со своего восьмого этажа на Землю и как бы видела всю ее. И я стала понимать, почему люди так страдают. Потому что забыли люди Бога своего и не построили прекрасных храмов, славящих Творца своего.

В эти же дни я впервые прочитала в журнале «Работница» заповеди Иисуса Христа. И была очень рада этому как бесценному сокровищу.

Я сижу на собрании в школе. Чувствую на себе чей-то взгляд. Я поднимаю глаза. На меня смотрит Господь. И сердце мое полно радости.

В один из этих дней я стояла у окна и разговаривала с кем-то. И я сказала: «Люди должны быть прекрасны, как Боги». И в этот миг я почувствовала, что в меня что-то вошло. Я стала совершенна. Мой голос изменился. Он стал удивительно нежен, и сама я изменилась. Меня охватила радость. И в то же время я знала, что мне предстоит встреча с дьяволом. Я оглядываю комнату с некоторым трепетом, потому что думаю увидеть нечто страшное. Но через некоторое время понимаю, что враг мой невидим.

С этого времени он стал входить в моих детей, в моего мужа. И это было очень тяжело. Дети становились неуправляемыми и злыми, а муж меня даже ударил один раз.

В это время я знала, что надо сходить ко всем соседям и сделать им добро. Я знала, что надо быть добрым со всеми людьми и сходила даже к той соседке, с которой была в ссоре. После этого дьявол сказал мне: «Что это ты ходила к соседям, что ты сделала?» Никто больше не повиновался ему. Итак, я сделала вывод. Делайте добро окружающим вас людям. Говорите, несмотря ни на какие обиды, только доброе людям, и о других людях, и не будет вам зла ни от кого, потому что если вы будете в мире со всеми людьми, то дьявол будет бессилен сделать вам зло, даже если захочет.

Одна из соседок сказала мне: «Тебе надо сходить в церковь». И дала почитать «Евангелие». Я положила его под подушку, но дьявол, вошедши в моего мужа, взял его и сказал: «Ты еще узнаешь отсюда, как от меня избавиться». И спрятал «Евангелие». И еще он мне сказал: «Как прекрасно мы с тобой жили». И я вспомнила, как боялась иногда смотреть на себя в зеркало, потому что пугалась своих глаз, так как в меня входил дьявол.

Ночь я не спала. А утром решила идти в церковь. По телевизору в эти дни показывали для меня и я знала это. И мне сказали: «Живи спокойно и будет тебе лучше, чем было прежде». Но я не могла успокоиться. Потому что знала, что людям грозит беда и что надо мне что-то сделать для людей. И я хотела спросить у свя-

щенника, что я должна сделать. И пошла в церковь в первый раз. Но священника там не было. А когда я хотела идти второй раз, меня отвезли в психиатрическую больницу. Я понимала, что это плохо, но что могла поделать.

В больнице меня ждали испытания. Сначала я была в палате с решеткой. Когда меня вывели из палаты, то навстречу мне шли две женщины. Одна из них сказала, обращаясь к другой: «Вот, матушка, дочь твоя», — указывая на меня. Потом та, которую называли «матушкой», пришла в мою палату. Там еще лежала другая женщина, в которую, я знала, вошел дьявол. Между нами произошел разговор. «Не любит она людей», — сказал дьявол обо мне. Я долго не могла понять, что от меня требуется. Я только понимала, что сделала много плохого, много говорила неправильного, а ведь во мне было то, что делала меня совершенной, и эти мои неправильные слова был большой грех. Я рассказала все, что со мной произошло, той, которую называли «матушкой». После этого мне сделали укол и я уснула. Я сделала вывод. Из-за того, что мы несовершены, мы должны касться в своих грехах.

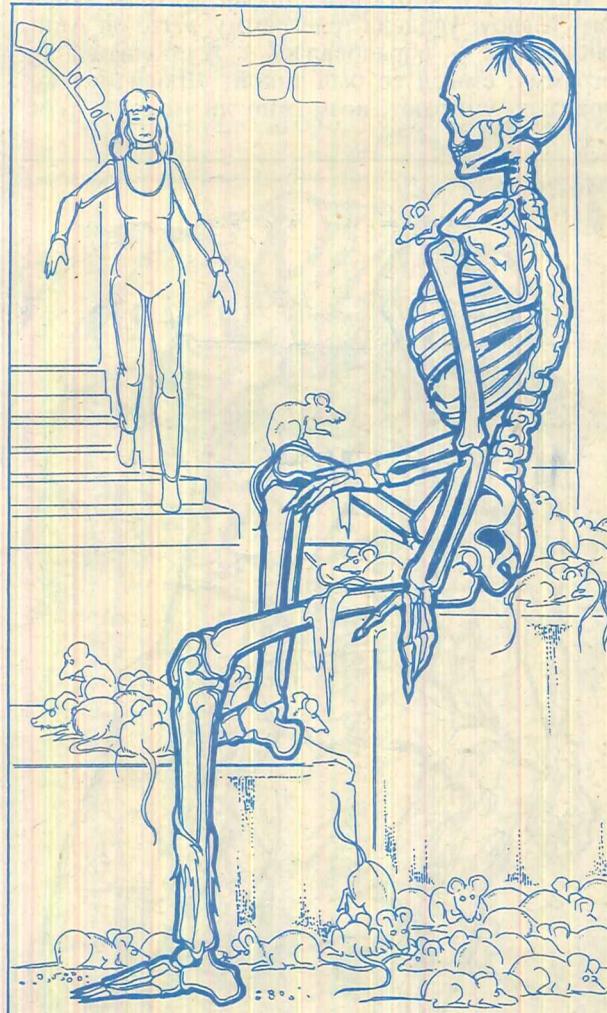
Через три недели меня должны были отпустить домой на выходные. И та женщина, которую называли «матушкой», сказала мне: «Лена, не ходи домой раньше 7 марта, потом совсем выйдешь». И еще сказала: «Не твой ли муж по всему свету соблазняет девушки и женщин и делает их несчастными?» И по телевизору сказали: «Не прощай врага своего, возьми в друзья Скорпиона». И я думала, что это все означает, но не поняла. Я пошла домой. И в первый день пришел один человек и принес что-то моему мужу, и я знала, что он принес любовь. И лучше бы на следующий день я ушла в больницу. Но я осталась дома. И днем мне Бог послал сон. Мой сын с лицом, искаленным страданием, показывал на решетку и говорил мне что-то. Я проснулась и не могла вспомнить, что он мне сказал. Вечером пришел другой человек к моему мужу и взял что-то, и я знала, что он взял любовь. И лучше бы я легла спать с детьми, но я не сделала этого. И ничто уже не охраняло нас. И пришел ночью дьявол и улетело из меня то, что делала меня совершенной, и не могла я больше спать, и стало мне так плохо, что едва дождавшись утра, я ушла в больницу, и ждала меня загадочная и неприятная болезнь — шизофрения. А днем по телевизору показали фильм о собаке. Как она чистому и светлому дому предпочла унылую и безнадежную степь. И горько было у меня на душе.

Но я должна была жить дальше. Жить не смотря ни на что. Дьявол как бы растворился во всех больных и здоровых и я своей добротой должна была выгнать дьявола из каждого человека. Он боится добра. И вот, когда дьявол остался в одной только женщине, которой я не могла доказать, что все нации прекрасны и нет среди них лучшей или худшей, я вспомнила вдруг о своей клятве и о том, что Иисус Христос запретил клясться. И я сказала этой женщине о своей клятве. И она мне посоветовала: «А ты попроси прощения у Бога за свою клятву». И я не долго думая так и сделала. Как враздровался дьявол. «Спасибо, Лена, — сказал он мне, — и теперь ты попадешь в ад». И еще я хочу написать. За время моего пребывания в больнице я знала, что там есть человек Юрий Николаевич, который говорит от Бога. Он тоже болен шизофренией. И раньше он мне сказал: «Не бойся меня». Но я не поняла. Он еще много раз пытался говорить со мной. Но я плохо понимала его, потому что он говорил не обычным языком, а как аллегорическим. И я все это вспомнила. И свои сны, и все слова, и свою клятву и поняла, что все мои испытания связаны с этой клятвой. В эти дни показали фильм о Стрельце. А я родилась под этим знаком. И там сказали, что Стрелец всегда думает сначала о других, а потом о себе. А я подумала о себе, отреклась от своей клятвы. На душе моей было горько.

И еще один вывод сделала я за эти дни. Лучше не говорите неправды, чтобы вам, раскаявшемуся, не пришлось просить прощения у проходящего мимо вас дьявола. Я сказала неправду врачу на обходе, но потом, вспомнив, что я должна быть совершенной, я попросила у него прощения. И в тот же миг я почувствовала, что что-то улетело из меня. И поняла, что мой ангел оставил меня, потому что ангелы не просят прощения у дьявола. А дьявол может заходить в любого человека, в котором есть серьезные грехи.

И осталась моя душа один на один с дьяволом. Но не смотря на все испытания, на бессонные ночи, на преследование темными силами зла, я должна была быть доброй со всеми людьми.

Приближалось восьмое марта. Меня отпустили домой на несколько дней. Восьмого марта приехали гости и уже был накрыт стол, когда к моему мужу пришел один человек. Я открыла дверь. Из глаз этого человека сияли два луча света и я почувствовала ни с чем не сравнимую радость: «Пришел Господь». Этот человек прошел с моим мужем в другую комнату. Из глаз моего сына последний раз взглянул на меня дьявол и исчез. Счастье и блаженство, какие я испытывала в эти минуты не описать. Потом этот человек ушел. И мы вышли на улицу с детьми. Идут мимо два человека, один из них подошел ко мне и сказал: «А меня сегодня из дома выгнали». И я поняла позже, что это сказал дьявол. Пришел Господь и выгнал дьявола из нашего дома.

Я сижу на собрании в школе. Чувствую на себе чей-то взгляд. Я поднимаю глаза и понимаю. На меня смотрит Господь и не обещает мне легкой жизни.

Через несколько дней меня выписали из больницы.

Что это был за год. У меня ужасная депрессия. Я едва справляюсь со своими домашними делами. Первым делом, когда я вышла из больницы, я разыскала «Новый Завет» и прочла его несколько раз. Я часто плачу, хотя часто и слезто у меня нет. Я жалею о том, что не увижу, наверно, больше Господа. Я жалею, что отреклась от своей клятвы. И чего-то жду. Жду какого-то знака, какой-нибудь помощи. И помощь приходит. Однажды я смотрю телевизор и вдруг понимаю, что это говорится для меня. В тот же день был прекрасный концерт, и там пели песни о том, что если ты можешь помочь людям, то сделай это. «Как же я могу помочь людям», — думала я. Я должна что-то написать. Я это знаю с детства, что я должна что-то написать, но не знала что. В юности я писала стихи, но сейчас у меня ничего не получается. И я решаю написать людям письмо. Письмо о том, как победить дьявола и в котором я посоветовала сатане попросить прощения у Бога. После того как письмо было написано, мне приснился сон.

Как будто я с моим мужем пошла к подруге. Мы прошли в комнату и подруга куда-то вышла. «Как чисто и красиво», — думала я. Мы долго ждали и я прошла в другую комнату и вдруг из окна увидела море. «Что же это они построили дом свой на берегу моря, — подумала я, — ведь может начаться шторм и затопит их». Потом

подруга пришла со своей мамой, мы поговорили и ушли. Когда мы отошли от дома, я оглянулась и увидела, что волны настигают нас. Мы побежали, взирались на какие-то кручи, кто-то бежал рядом, а когда взирались на самую высокую кручу, то вода остановилась. Мы были спасены, но дом, прекрасный дом, был затоплен водой. Я проснулась и в сердце моем не было радости, ведь там под водой остались люди.

Я послала письмо в «Литературную газету». Сатана взглянул на меня с ненавистью. Мне становится хуже. Мысли мои летят. Я не сплю ночами. В эти дни я поехала с детьми в Павлодар к моим родителям. Ночь я опять не сплю. Чтобы не шли плохие мысли, я всю ночь молюсь. Утром меня отвезли в больницу.

В больнице меня ждут испытания. Здесь лежат не так как в Экибастузе. Больных привязывают к кровати. В таком положении я была три дня. За эти дни я побыла духом в аду. Перед тем как я попала в ад, сатана что-то делал с больными и медицинским персоналом и через некоторое время я почувствовала себя как бы окруженной злобными и безжалостными демонами.

Люди! Там в аду очень страшно. Там нет никакой надежды. Не описать, что чувствовала моя душа. Вряд ли на Земле можно чувствовать такую тоску.

Потом я была в раю. Там были мир, счастье и блаженство.

После этого я пришла в себя. Ноги и руки у меня сильно болели от веревок, но в таком положении я пробыла еще сутки. В больнице я была три месяца, наконец, меня выписали.

Пришло восьмое марта. Год, как приходил Господь. В этот день я с утра чего-то жду. Настает вечер. Я собираю детей и мы выходим на улицу. Идет какой-то человек, он поворачивает в мою сторону, недалеко от меня он останавливается и говорит: «Извините, вы догадываетесь, извините меня». Я догадываюсь, но молчу. Это дьявол просит прощения у меня. Ко мне возвращается мой ангел. Я счастлива и от депрессии не осталось следа.

Но в следующие дни я получаю знак. И опять решаю писать свое письмо. Четыре ночи я не сплю. Затем врач выписывает мне хорошее лекарство и я имею возможность опять писать мое письмо. Дьявол опять на меня смотрит из чужих глаз. «Ну, держись», — говорит его взгляд.

В магазинах сейчас большие очереди. Детям нужно молоко и я вынуждена стоять такую очередь. Однажды в магазине я почувствовала в душе холод. Опять сатана что-то делает с людьми как в больнице. Через некоторое время все люди смотрят на меня хмуро. Люди обвиняют меня в том, что я перепутала очередь и мне стоит труда не растеряться. Наконец-то все уложено, но на душе тяжело. Дальше мне хуже. Ничего не могу делать. Жизнь кажется немилой и смерть единственным выходом из создавшегося положения. Но я понимаю, что это темные силы зла действуют на меня и хотят, чтобы я отказалась от жизни. И я слышу: «Жить. Не смотря ни на что». И я продолжаю жить и писать мое письмо. Написала письмо и отправила его в журнал «Семья и школа». После этого три ночи не сплю. Сил нет, хороших таблеток в аптеке нет. Я опять в больнице три месяца. Перед тем, как я попала в больницу, я прочитала в газете «Твое здоровье» за февраль 1991 года о том, что шизофрению лечат витаминами и диетой. С тех пор я сама стала постоянно употреблять витамины в таблетках. В больнице мне назначили хорошее лекарство. Вернулась радость. Я все могу делать. Я вышла из больницы.

Через несколько месяцев я купила в магазине книгу о Серафиме Саровском. Он рекомендует людям применять молитвенное правило, чтобы достичь высот духовного совершенства. И я решаю применять это правило. Меня мучает собственное несовершенство. И я часто думаю, какой пример я подаю детям. Я молю Бога-Отца и Божью Матерь помочь мне растиль моих деток.

Однажды февральским днем я шла по улице. И вдруг почувствовала, что в меня что-то вошло. Душа моя озарилась светом и я услышала: «Ты должна быть совершенна». Я не пью таблеток. Чувствую себя прекрасно. Все успеваю делать. Однажды в воскресенье я смотрела телевизор, дети насорили и я решила подмети. «Ведь к нам приходил Господь, а у нас грязно», — подумала я. Когда я подметала, то случайно взглянула на своего мужа. Из глаз его на меня смотрели такие ненависть и злоба, что трудно это

было перенести. Это был взгляд сатаны. Я вышла в другую комнату, стала плакать и молиться, и Господь избавил меня от этого видения. В другой раз я ехала на автобусе. Людей было очень много. Все давили друг на друга. Из глаз мужчины, стоящего напротив меня, смотрит дьявол и тоже с ненавистью. Я в садике на утреннике у детей. На меня смотрят. Мне передается энергия. Я не жду ничего хорошего. И убеждаюсь в этом. Теперь я должна опускать глаза, если на меня смотрят мужчины. Я знаю, в моих глазах что-то плохое. Мне становится хуже. Я попадаю в больницу. В больнице в течении нескольких дней сатана постоянно направлял на мой мозг энергию. И я знала, что должна отражать ее. Сначала я отражала ее молитвами, но был момент, когда молиться я уже не могла, потом собственными мыслями. Все это очень тяжело. Происходит также взаимодействие мое с другими больными, но я применяю все то, чему учил меня Бог ранее, и все кончается благополучно для меня. Одна женщина в эти дни сказала мне: «Ты молодец, ты борешься, а мы не можем». Потому что они не знают, какие силы действуют на них.

Но когда я выхожу из больницы, я убеждаюсь в том, что весь мир против меня. Что я хуже всех. Что для людей было бы лучше, если бы меня не было. И я решаю напиться таблеток и умереть.

Я пришла в себя в психиатрической больнице города Экибастуз. Там среди больных был опять Юрий Николаевич, через которого говорил Бог. И он мне помогал. Я поняла, что еще не все потеряно, что все впереди. В течении трех месяцев сатана искушал меня и испытывал. Там в больнице была прекрасная женщина Нина. Она была больна эпилепсией. У нее было ухудшение и она провела несколько дней в реанимации. И она мне говорила: «Ты знаешь, я все время внушила себе, я сильная, очень сильная, и это помогало мне». И еще она мне говорила: «Ты знаешь, как я боролась со смертью, ты знаешь». И я знала, что это она говорит мне неспроста. В эти дни сатана воздействовал на меня галлюцинациями и я училась не пугаться их. Я очень мало ела в эти дни, потому что сатана убеждал меня в том, что когда я ем, другие люди страдают. Витамины из дома мне тоже не носили, хотя я просила. А так как я находилась постоянно в стрессе и постоянно вела мысленную борьбу с сатаной, витамины в моем организме кончались. Однажды ночью я проснулась в сильной тревоге и знала, что если я сейчас же что-нибудь не предприму, то меня ждет смерть. У меня все пересыхало во рту и горле и было тяжело дышать. Я вспомнила о том, что когда выполняешь физическую работу, то в организме освобождаются витамины. И я встала и стала мыть пол во всех палатах. Сначала мне было очень тяжело это делать, но потом все легче. Я продолжала в это же время вести мысленную борьбу с сатаной. Когда я кончила мыть все отделения, с меня бежал пот, но я была спасена. Когда стали люди вставать и я стала с ними разговаривать, витамины стали появляться в моем организме уже от правильной и доброй речи и я чувствовала себя лучше, когда разговаривала с людьми. К этому выводу привел меня Господь Бог, что от правильной и доброй речи в организме человека вырабатываются витамины и появляется энергия.

Я стала больше есть, врач назначил мне витамины в таблетках и из дома мне принесли витамины и со временем я стала лучше себя чувствовать. Мои наблюдения в больнице привели меня к мысли, что при страхе, любом страхе происходит усиленное потребление витаминов в организме, поэтому все страхи лучше лечить с помощью витаминов. Кроме собственного испытания я наблюдала в больнице две смерти женщин и думаю, что в обоих случаях отсутствие витаминов группы «В» в организме их было причиной их смерти.

Испытания мои продолжались. И был момент, когда мои духовные силы оказались сильнее сил зла. И это была моя победа, но я еще не знала в то время, что все впереди. Я была счастлива. Какие прекрасные люди встретились мне в больнице. Какую поддержку и помочь они мне оказали. И я поняла снова, что любовью и добротой можно сделать самого плохого человека хорошим.

И в эти дни было еще одно событие. Из окон больницы хорошо был виден стадион. И в один из дней на стадионе был концерт. Мы сидели на

подоконниках и слушали. А я смотрела вниз и мне казалось это сказкой. По зеленому полю бегали дети, звучали чудесные песни, стояли группы взрослых людей. «Какой праздник для людей», — думала я. И мне было жаль, что там нет меня с моими детьми. Вошел в комнату Юрий Николаевич. И сказал одну фразу: «Я верю в материество». И я знала, что это сказал Господь.

Я вышла из больницы. Все те лекарства, которые я употребляла в больнице, исчезли из аптек. Мне выписали другие, но они мало помогали. Состояние мое ухудшалось. Начиналась депрессия. Дома я еще держалась. Но мы должны были уезжать в Германию. Мой муж немец и все его родственники уже уехали. В общем когда наш самолет приземлился на территории Германии я была в ужасной депрессии. Но через несколько дней мы пошли к врачу, врач назначил мне уколы и лекарство и через три дня от моей депрессии не осталось следа. Нас на несколько дней отправили в город Бург и там мне приснился сон.

Как будто я открыла шкаф, хотела что-то взять и вдруг увидела телеграмму. «Это он Анны Павловны», — обрадовалась я. Я прочитала телеграмму, смысл ее был такой: «Люди болеют, страдают, умирают, возможно ли молчать тебе,

лала ошибку, что я буду отвечать за свои слова, что я буду страдать. Но когда утром мне принесли письмо с почты, потому что надо было доплатить, и я могла оставить это письмо у себя, я его все-таки отправила.

И я оказалась во власти сатаны. Что было со мной, не буду описывать. Прошло несколько месяцев. Мне стало лучше. Кроме диеты, витаминов, голодания, уринотерапии, холодной воды, я использовала регулярное промывание кишечника и очистку печени. И продолжала лечение, назначенное врачом. Состояние мое значительно улучшилось. Хотя периодами мне приходилось вести борьбу с депрессией. Причем, когда депрессия после голодания исчезла, меня начали преследовать маниакальные мысли. Но это было не в каждый период голодания. Были у меня и различные навязчивые мысли. Все это, и навязчивые мысли и маниакальные мысли, идет от сатаны. И зная об этом можно бороться с этими мыслями, хотя это нелегко. И нужно обязательно молиться. И нужен положительный настрой. Когда через год я опять вернулась к своему письму, чтобы продолжать писать его, депрессия моя усилилась, мне стало очень плохо, но Божий Промысел привел меня к мысли, что я должна увеличить дозу витаминов. После того, как я это сделала, состояние мое настолько улучшилось, что я часто чувствовала себя счастливой.

Свое письмо я посыпала на радиостанцию «Голос России», писателю А. И. Солженицыну и просила ответить на мое письмо. Но ответ не получил. Потом я отправила письмо в редакцию газеты «Контакт», издаваемой в Германии на русском языке. Позже отправила Елене Георгиевне Боннер, вдове актера А.Д. Сахарова и Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Получили ли мои письма, все, кому я отправляла, я не знаю. Сатана, когда я отправляла мои письма, почти в каждом случае усложнял мою жизнь и возможно, что-то плохое, злое, что получалось вследствие этого от моих ошибок, он использует, чтобы мое письмо не дошло до людей, то ли, в некоторых случаях, устранив мое письмо, не знаю, возможно ли это; то ли, действуя непосредственно на мозг читающего мое письмо. Это возможно, так как и меня не раз мучили сомнения.

А сейчас я напишу к каким выводам привел меня Господь Бог. Многое из того, что я напишу уже известно, но для полной картины я напишу и это.

1. Нужно строить храмы в городах и селах. Нужно ввести в школах Закон Божий. Нужно сделать так, чтобы Библию мог купить каждый и по дешевой цене, чтобы она была доступна людям. Нужно, чтобы в каждой семье Библия была самой главной книгой.

2. Нужно любить и жалеть детей, но в то же время с раннего детства приучить их к дисциплине. Я просила Господа и Божью Матерь помочь мне расти моих деток и мне было сказано: не смотря ни на что надо любить и жалеть. И еще я обратила внимание, однажды по телевизору был прекрасный концерт. Дети были еще малы, чтобы смотреть и слушать, но они стали так радостны и счастливы, потому что комната вся стала атмосферой добра и красоты, они читали стихи, пели свои песенки. Страйтесь окружить своих детей прекрасным.

Все это можно сделать, если мама будет дома, пока детям не исполнится 12 лет, будет домохозяйкой. В это время она должна как можно больше времени уделять детям, в том числе и религиозному воспитанию. Она должна в это время научить детей самостоятельности и самообслуживанию. Также мамы в это время могут заниматься самосовершенствованием.

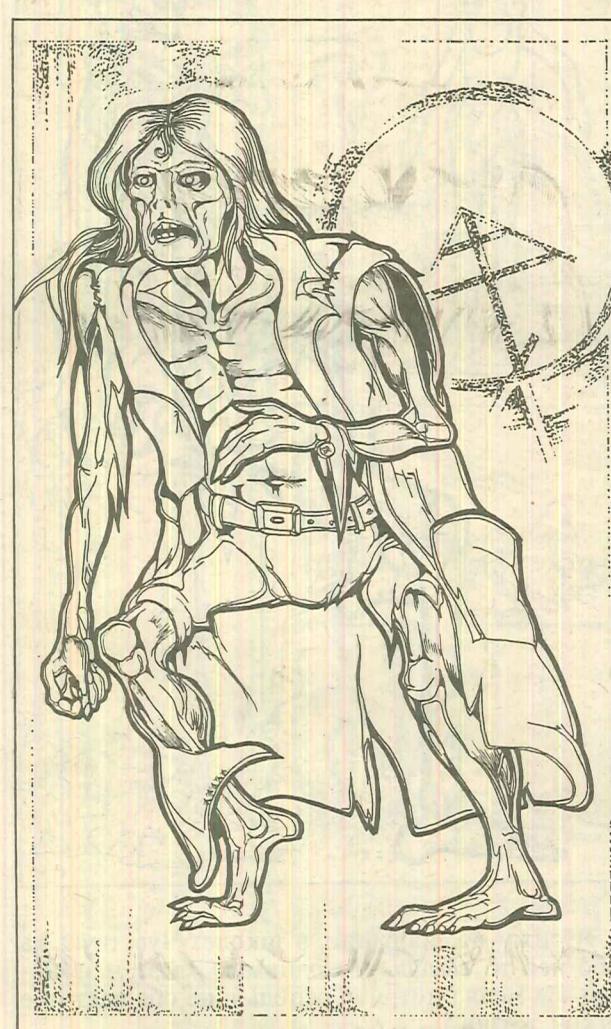
Мамочки! Наш мир страдает от того, что в нем мало прекрасных матерей. А наш женский долг расти хороших и добрых детей.

3. Педагогика. Необходимо сделать так, чтобы зарплата учителям была бы больше или хотя бы равна зарплате по другим специальностям. Необходимо, чтобы в школы пришли мужчины. Женщины также могут прийти в школы, когда их дети подрастут и станут самостоятельными.

4. Женщины-домохозяйки должны иметь дома порядок, чтобы добрые духи помогали.

5. Очень многое зависит от речи. Я уже писала, что Господь Бог привел меня к выводу, что от правильной и доброй речи в организме вырабатываются витамины и появляется энергия.

Нужно сделать все возможное, чтобы люди перестали употреблять ужасный нецензурный язык, что к большому сожалению распространя-

если ты можешь помочь». Я проснулась. «Что я должна делать?» — думала я. И я решала опять писать свое письмо. Я очень плохо знала немецкий язык и с трудом перевела мое письмо. И дала прочесть его одному человеку. Но он сказал: «В Германии это не напечатают». С самого начала, как я стала писать мое письмо, сатана преследовал меня. Я не знала, что ждет меня. Смерть или болезни. Так как я не делала никому из людей зла, то у меня была надежда, что смерть не ждет меня. В течении трех месяцев Бог учил меня, как противостоять болезням. И когда я пришла к правильному выводу, то мне приснился сон.

Как будто высокие снежные горы. И люди в халатах с приборами и книгами поднимаются на них по ступенькам. А я залезла не знаю каким способом и съехала с этих гор. И я поняла, что вывожу мой правильный.

Кроме этого я применяла 7-дневное голодание раз в три месяца, диету и уринотерапию. И несмотря на преследование сатаны, продолжала писать мое письмо. Но я сделала в письме ошибку. Я написала, что я держала победу над сатаной. А как я писала раньше, моя победа была в условиях больницы, а когда я вышла в реальную жизнь вне больницы, то я часто была далека от победы. И уже, когда я отправила мое письмо на радио «Свобода», меня предупредили, что я сде-

но, это язык демонов, духов злобы; что общего может быть у людей с этим языком.

6. Питание. Здесь можно посоветовать, как можно больше употреблять витаминной пищи. Лучше всего питаться, как советует Поль Брэгг в своей книге «О голодании», т. е. как можно больше употреблять овощей и фруктов. Если вы будете придерживаться этого образа жизни, какой советует Поль Брэгг, то вы будете просыпаться полными сил, возможно, вы начнете писать стихи, но если даже вы не начнете писать свои стихи, то вам захочется читать стихи, написанные другими. Но так как в условиях России и республик СНГ сейчас плохо с пищей, богатой витаминами, то необходимо употреблять витамины в таблетках. Наладить их выпуск, чтобы хватило всем и по доступной цене. О витаминах еще можно вот что сказать. Так как от правильной и доброй речи в организме человека вырабатываются витамины, то поступление витаминов извне должно способствовать увеличению жизненной силы человека, его лучшему душевному самочувствию, человек будет стремиться больше узнать, больше времени станет тратить на чтение, отсюда его речь станет богаче, мысли возвышенней и человек больше приблизится к совершенству.

7. Необходимо, чтобы человек с детства был эстетически воспитан, любил слушать хорошую музыку, любил читать хорошие книги, любил живопись, любил смотреть хорошие кинокартины (к большому сожалению здесь на Западе, а сейчас и в России и в республиках СНГ показывают много фильмов со сценами убийства, жестокости насилия и до ненужного секса).

Нужно стараться окружить детей с раннего возраста прекрасным. Тогда нежные души детей будут лучше убережены от всего злого.

8. Большую роль играет самовнушение. Нужно воспитывать детей оптимистами. Чтобы преодолеть печаль, тоску, подавленность, свойственные человеку в некоторые периоды жизни, нужно с детства иметь положительный настрой. Это относится более всего к тем людям, которые страдают депрессией, различными навязчивыми мыслями, различными страхами. Я уже писала, что все это идет от сатаны. Ведь сколько людей даже доходят до самоубийства, так как не знают, чем объяснить свое ужасное душевное состояние. А ведь нужно радоваться. Об этом же говорится в Библии.

9. Шизофрению лечить витаминами, голоданием, диетой, возможно, уринотерапией. При голодании продолжать употреблять витамины. Применять регулярные промывания кишечника и очистку печени. И обязательно нужен положительный настрой и нужны молитвы. При шизофрении бывает состояние душевной опустошенности, все хорошее, что было у человека, находится как бы за стеной, и человек не помнит о хорошем. Только плохие мысли. Витамины же улучшают душевное состояние человека и человек начинает вспоминать о хорошем, у него появляется желание жить и радоваться.

Люди! Если бы вы знали, как страдают эти больные, а ведь их, я думаю, можно всех вылечить. Но есть тот, который не заинтересован в этом. Это сатана. Он будет всячески мешать, как и прежде мешал. В том числе действуя на умы людей. Ведь один из нас сразу принимают все новое прогрессивное, а другие к большому сожалению настроены ко всему новому крайне консервативно. Тут действует воля сатаны.

10. Смерть наступает в результате отсутствия в организме витаминов группы В. Люди, достигшие духовного совершенства, умирают как правило легко во сне.

А теперь я напишу, чему меня научил Господь Бог, как противостоять болезням.

Если вы сказали кому-то, что сделаете сегодня то и то, то не забудьте пожалуйста, что вы собрались сделать сегодня и лучше не ложитесь спать, пока не сделаете все эти дела.

Если какое-то дело вы не в силах выполнить сегодня, а вы обещали это определенному человеку, найдите этого человека или позвоните ему по телефону и покайтесь, что вы обещали, но обстоятельства помешали вам. И перенесите это дело на другой срок или признайтесь в своей ошибке, если это дело не выполнить вам. Но если и это невозможно по какой-то причине, скажите об этом деле вашему мужу, или вашей жене, или вашему сыну, или дочери. И покайтесь об этом деле. И тогда покайтесь перед Богом. Этот определенный человек может быть и

чужим человеком, а, может быть, и вашим маленьким сыном, независимо. И болезни отступят от вас.

Это правило многие знают и выполняют. И кому-то оно может казаться легким. Но на самом деле это не так. Дело в том, что сатана для особенно, по видимому, неугодных ему людей создает такие условия, в которых человек, не подозревая об этом, постоянно вынужден нарушать это правило. Пока я это не знала, муж, дети и другие люди задавали мне столько «каверзных» (лукавых) вопросов, что я постоянно нарушала это правило и страдала от этого.

Так же и другие люди, которые работают на производстве, общаются с большим кругом людей, имеют нескольких детей, то ли по забывчивости, то ли из-за плохого отношения к кому-либо тоже могут нарушать это правило, не подозревая об этом.

Люди! Наша жизнь очень сложна и кроме нас, людей, на свете белом есть еще половые формы жизни, не видимые нам.

И знайте, что каждое наше слово слышат, и каждое наше действие знают, и мысли наши читают и мы будем в ответе за все свои слова и действия.

Чтобы победило добро, нужно стараться го-

хах. А завтра надо начать делать добро. Своей семьи, товарищам по работе, соседям, просто встречающимся людям. И если вы опять вместо добра сделали зло, то опять покаяться и изо всех сил стараться делать добре. Но чтобы вам было легче на вашем пути, прочтите слово Господа Бога — Библию. И лучше будет знать путь свой.

«Посему я буду судить вас, каждого по путям его, — говорит Господь Бог; покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших, чтобы нечестие не было вам преткновением.

Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрехали вы и сотворите себе новое сердце и новый дух; и зачем вам умирать?

Ибо я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь и живите!» (книга Иезекииль, гл. 18. 30—32)

Так говорит Господь Бог в Библии.

Вот посмотрите на детей. Дети наше будущее. Все для детей. А это так?

Сейчас принято пересматривать историю и ругать всех, кто сделал революцию, и до этого, и после этого. Были сделаны ужасные ошибки, стоившие жизни тысяч людей.

Но разве декабристы не мечтали о счастье для людей и не страдали за это? Разве лучшие из революционеров не мечтали о счастье для людей и не страдали за это? Разве лучшая часть интеллигенции и рабочих не старались жить не только для себя, но и для других уже в наше время. У нас прекрасные люди. У нас в стране были такие замечательные педагоги как А. С. Макаренко и В. С. Сухомлинский. Почему их прекрасный опыт, заслуживающий самого пристального внимания, не использовался как нужно. Какие бы сады, дубравы и леса насадили люди, которые воспитание и образование получили бы в школах, где использовался бы опыт Макаренко и Сухомлинского. Какой бы была наша Родина. И не пришлось бы покупать зерно за границей. Но вот вопрос, почему этот опыт мало использовался. Потому что мешали везде и повсюду, оказывали сопротивление, где только можно. Вот где поприще борьбы, достойное для человека. Кто в юности не мечтает о подвигах, а потом начинает забывать об этом? И считает, что места подвигу уже нет, и начинает постепенно опускаться и часто даже в водке находить единственное утешение. Ведь человек создан по подобию Божию, человек должен стараться быть на высоте, хотя это страшно трудно. А если нет сил удержаться, то водка, конечно, помощник. А потом и другие неприятности случаются с человеком.

Посмотрите вокруг себя. У вас есть дети. Требуйте, чтобы повысили оклады в школах. Мужчины, идите в пединституты, изучайте опыт Макаренко и Сухомлинского, организуйте дело воспитания подрастающего поколения и сами найдите в этом счастье. Нужно взять лучшее из опыта замечательных педагогов. Нужно садить леса, сады, цветы, а не водку пить. Нужно организовать везде в школах самодеятельность на самом высоком уровне.

Да, вам будет нелегко. Вон Люцифер со своим войском демонов стоит, чтобы выступить против вас и будет бороться против вас жестоко. Но разве только в юности мечтают о подвигах? У нас в стране столько прекрасных людей, которым по силам будет это дело. Макаренко писал, что дело воспитания будет значительно упрощено, если литература даст образ идеального героя. Но нам не надо искать этот образ. Это Господь Иисус Христос. И надо, чтобы об этом знали все преподаватели, все дети, все люди. Сияющий образ Иисуса Христа должен вести нас к свету.

Недавно я прочитала в газете о девяти убийствах бизнесменов-банкиров в России за 1995 год. Но кто же их убивает? Это злобный враг человеческого рода сатана-дьявол. Это ему не нужна стабильная и процветающая Россия. Это он убирает со своего пути миротворцев, расставляет им сети, ждет их неосторожных слов и действий, чтобы направить потом это против них самих. Он боится возрождающегося Православия в России. А люди? Они в любом случае жертвы. И те, которых убивают. И те, которые убивают.

Люди! Не требуйте ни для кого смертной казни. Пожалейте этих несчастных. Они когда-то были безвинными младенцами и жили в мире, в котором было мало любви. Их или совсем не любили или любили мало. Пожалейте их. Дайте этим людям Библию. Может быть, они одумаются, покоятся и придут к Богу. Это для здоровых, а которые больны, их надо сначала лечить.

ворить про людей только доброе, нужно жалеть и любить других людей.

Любите и жалейте людей, даже если они злы и жестоки с вами. Они сами не ведают, что делают, они не знают, что движет ими.

Еще Серафиму Саровскому было открыто, что в человеке действует три воли: воля Бога, собственная воля человека и воля сатаны.

Если мы не верим в Бога и не просим у Бога помощи, то и мысли, и слова, и действия наши могут сильно зависеть от воли сатаны, хотя это в свою очередь зависит от воспитания и условий, в которых человек вырос.

Ведите друг с другом открытый, честный и благородный диалог, помня всегда, что в любое время вы разговариваете с Богом, и с человеком, и с сатаной. Пусть вами движут любовь и доброта, благородство и честность.

Все мы, люди, стоим у порога вечности. Поэтому что все не заканчивается нашей временной жизнью на Земле. Существует еще вечность. Люди! Что ждет нас? Какова наша жизнь, то и ждет нас. Кто-то сделал большие ошибки, кто-то меньше, но нет безгрешных. Мы все должны покаяться, потому что в этом единственный выход.

Тысячу раз прав Александр Исаевич Солженицын, что необходимо всеобщее покаяние. Нужно покаяние сегодня для всех в своих гре-

А молодежь, подростки? Ведь есть же прекрасный опыт Макаренко. Нужно дать юным дело, которое им по плечу и чтобы они могли совершенствоваться в этом деле.

Я видела глаза детей, в которых не действовала воля сатаны. Как светлы и прекрасны были их лица. Как восприимчивы были эти дети к тому, чтобы впитать в себя добро и красоту.

И еще я хочу написать о некоторых заповедях Иисуса Христа.

Я иду в магазин. В наших магазинах всегда очереди. Я становлюсь в очередь, прежде спросив, кто последний. Когда очередь продвигается вперед, я замечаю, что впереди меня, не совсем впереди, а сбоку, встала женщина. Но я не говорю этой женщине: «Вы здесь не стояли». Я стою и молчу. И когда очередь опять продвигается, я жду, когда женщина встанет впереди меня. Я ее жалею. И вспоминаю заповедь Иисуса Христа: «И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». В эту женщину вошел дьявол и повелевает ей. И что будет, если я скажу ей: «Вы здесь не стояли». Будет зло. А ведь зло надо побеждать добром.

Был со мной и такой случай. Я пошла на базар, когда была в отпуске с больницей. Я купила все, что нужно, и прошла к автолавкам. В одной из них продавался детская обувь, а мне как раз было нужно, и прошла к автолавкам. В одной из них продавалась детская обувь, а мне как раз было нужно. Очередь не соблюдалась и когда мне посчастливилось оказаться недалеко от продавца, я попросила две пары обуви. Одну мне дали, а другую кто-то взял, так продавец сказал. Я вылезла из толпы людей смущенная тем, что заплатила за две пары, а имею в руках одну.

Я сейчас вижу эту бабушку. Она держала в руках мои босоножки: «Это мои, дайте мне», — сказала я. «Мне нужно для одной девочки», — ответила она. Но я взяла у нее из рук и ушла. По дороге меня мучили угрызения совести. Да, мы так воспитаны. Это наше и все. Но в заповеди говорится: «Кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». И это так. Передо мной в данном случае был лукавый (дьявол) и он испытывал меня, поступил ли я по заповеди, и я не сделала так и горько каялась впоследствии. Тут можно сделать вывод. Сколько в ваших силах, не уставайте делать другим добро.

Люди! Соблюдайте заповеди Иисуса Христа. Спасите себя и помогите спасти тем, которые вокруг вас. Ведь вы читали: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душой твоей, и всем разумением твоим, и возлюби ближнего твоего как самого себя». И еще: «Любите врагов ваших, благославляйте проклиняющих вас, благоворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами Отца вашего небесного».

Аура

Еще в глубокой древности волхвы славян, маги и жрецы других народов знали о скрытых силах человека, о существовании невидимого для всех людей излучения вокруг человеческого тела. В православных книгах и ведах это необычное излучение и свечение получило название «ра» (светлое, солнечное). Это название соответствует имени древнейшего бога славян — бога Ра (Солнца). Неслучайно и древнее название Волги — Ра, т. е. солнечная река. Раньше говорили: «Какая родная земля и река — такие же и люди».

В египетской «Книге смерти» такое свечение, или аурное поле, называется «ка» и описывается как энергетический двойник человека, который продолжает существовать и после смерти как носитель жизни. Йоги и другие индийские мудрецы называют такое свечение «прана». В западной оккультной традиции оно имеет название «астральное тело».

В христианстве и в иудейских вероисповеданиях и религиях эта энергия, или аура, изображается на иконах в виде светящегося ореола над головами святых. В Новом Завете апостол Павел говорит о «нетленном духовном теле» — носителе человеческого сознания в потустороннем мире.

Современная наука и практика доказывают реальность этого явления, т. е. существование аурного поля, праны, или астрального тела, посредством так называемого эффекта Кирлиана, который сделал возможным фотографирование этих излучений и свечений.

Несмотря на неудивимость восприятия для зрения широкого круга людей, аурное видение всегда было доступно для некоторых индивидов с сильно развитыми сверхчувственными возможностями, способностями и практическими навыками, т. е. для психоэнергетиков.

Одни из них воспринимают аурное поле через осознание, другие видят его (аурное видение, психотронное восприятие мира и др.). Это подтверждается и тем фактом, что описание ауры в древности и в наши дни удивительно идентично, независимо от эпохи и культуры, национальности, идеологии и религии их авторов.

Если опустить различия в терминологии, то знание об ауре можно обобщить таким образом: 1. Аурное поле человека существует объективно (аура человека — это объективная реальность); 2. Излучение ауры, или аурное поле, распространяется от очертаний тела человека на расстоянии от 35 см до 1 метра в зависимости от духовного и социального, психофизиологического и биологического состояния личности (индивида).

Размеры аурного поля могут увеличиваться при определенных оптимальных условиях до 25—30 метров. Самое сильное аурное излучение исходит от пальцев и ладоней рук и из глаз. Вот почему иногда чувствуется сильный взгляд, буквально пронизывающий затылок (на уровне так называемого щестого глаза).

Древние и более поздние источники как на Западе, так и на Востоке единодушно подтверждают, что аура представляет собой излучение (свечение) тела человека и частицу космической жизненной энергии. Современное название «биополе» (правильнее говорить «аурное поле») также означает буквально — жизненная сила, живое излучение и свечение.

Аура по своей природе и сущности является психоэнергетическим и биоинформационным, волновым и резонансным «скелетом» (стержнем, столбом) организма человека. Аура организует и управляет деятельностью и функциями как отдельных клеток, органов и систем, так и целостным организмом человека. Эта теория и взгляды подтверждаются тем, что люди с ампутированными конечностями испытывают фантомные боли и проектируются на фотографии (по методу Кирлиана) целыми и невредимыми. Следовательно, при устранении физического носителя или его элементов сохраняется психоэнергетическая форма объекта.

Все исследователи ауры убеждены в том, что она состоит из нескольких слоев или уровней — от трех до семи — в зависимости от методологии и критериев, по которым их определяют. Каждый отдельный слой отражает состояние определенной структуры и функции человеческого организма. Подобное свойство дает возможность некоторым психоэнергетикам диагностировать заболевания по состоянию аурного поля, определять наличие «бытовых порч» (слаг, наветы, заговоры, магии) или психотехнологических воздействий (радио и телевизионное программирование, компьютерное и биоэнергетическое зомбирование).

Определенные слои ауры отражают и психоэмоциональное состояние человека. Например, многие чувства и эмоции воспринимаются в виде электрических искр или светло-розового свечения. Очень развитый интеллект — в виде золотисто-желтой окраски. Отдельные органы человека также именуют свою специфическую «окраску».

Аура меняется в результате динамических колебаний и биоритмов внутреннего свечения (эндоэкология человека) или под влиянием внешних воздействий

(природных и социальных; земных, космических и вселенских). Очень часто изменение ауры человека является результатом положительных или отрицательных чувств, эмоций и мыслей других людей. Любовь, симпатии, антиподы, спокойствие, гнев, злоба, ненависть, неприязнь — все это активно влияет на изменение ауры человека. Следовательно, каждый человек непрерывно погружен и утопает в океане психоэнергетических волн и резонансных вибраций, хотя и не осознает этого. Эти резонансные волны и вибрации воспринимаются аурой, и очень часто именно они мотивируют чувства и эмоции, мысли и поступки человека.

Некоторые особенно сильные желания и ясные мысли создают себе собственный энергоинформационный полет. Они как носители определенного кода и резонанса (точнее, закодированной информации), излучаясь от ауры в пространство, достигают «независимого» существования. Эти так называемые мысль-формы (мысленные формы) могут воздействовать на огромных расстояниях независимо от преград посредством своего энергоинформационного и чувственно-эмоционального заряда. Именно через них осуществляются внушение и телепатия. При гипнозе мысль-форма субъекта (гипнотизера) проникает непосредственно в ауру объекта и подчиняет его.

Психоэнергетические воздействия и резонансные волны влияют и на неодушевленные предметы. Известно, что они могут очень легко концентрироваться, например, в кристаллической структуре. Поэтому некоторые психоэнергетики пользуются кристаллическими кубиками или просто сахаром (подобно Ванге). Подобное свойство биополя как части или элемента общего аурного поля лежит в основе дистанционных и бесконтактных взаимодействий и воздействий, которые до сих пор мало изучены и не объяснены официальной наукой.

Аура сохраняет свою целостность только тогда, когда человек находится в состоянии здоровья, т. е. духовного, социального, психического и физического благополучия. В состоянии сна, гипноза, комы или так называемых пограничных, терминальных ситуаций, часть ауры отделяется и образует новое поле. Последнее, по свидетельству ясновидцев, может отделяться от физического тела. Иногда это поле (его называют еще астральным телом) отделяется на большие расстояния от физического тела, т. е. организма человека. Многие, наверное, испытывали состояние полета во сне, падения и другие подобные острые опущения, которые являются проявлениями этого астрального тела. Люди с развитыми духовными способностями, как настоящие йоги, могут сознательно покидать свое физическое тело и совершать невероятные путешествия.

Характерно то, что связь между физическим и астральным телом, которую ясновидцы описывают как тонкую серебряную нить, существует только до тех пор, пока человек жив. Смерть окончательно разделяет физическое и астральное тела человека, и та часть ауры, которая является носителем человеческой психики, сознания и самосознания, безвозвратно покидает мир. Но куда девается эта часть ауры, остается все еще загадкой для современной науки. Некоторые психоэнергетики, пророки и ясновидцы предполагают, что смерть — не фатальный конец, а только лишь новое начало. В это верили славяне-язычники и их волхвы (жрецы).

Академик Т. Дичев.

**Не забудьте подписаться
на новый толстый
научно-популярный и
литературно-художественный
журнал**

"ИСТОРИЯ"

**- это увлекательное чтение
для всех возрастов и неза-
нимимое пособие для
учащихся!**

**Индекс 71505
в каталоге Агентства "Роспечать".
Подписка с 1.09.96г. на любой
почте**

Голос Вселенной

Юрий Петухов

После битвы

на Куликовом поле

Семь дней «стояли на костях»
На бранном поле,
кровном поле.
Казалось, души не вместят
Ни ликования, ни горя.
Семь дней покорная земля
Тела убитых принимала,
Родная,
отчая,
своя,
Она их тяжко обнимала,
Чтоб новой жизни семена
Пробились полем Куликовым,
И наступили времена,
Когда ордынские оковы
Спадут...

Нет! Сами не спадут!
Пускай, лиха беда начало,
И впереди упорный труд,
Кровавый труд.

Но доказала
Русь несгибаемость свою
На ратном поле,

поле сечи,
И враг не выдержал в бою
Открытой встречи,

честной встречи —
лицом в лицо,

глаза в глаза
— не воровато, из-за тына —
Не выдержал, не устоял,
Бежал,

оружие бросал,
Кляня судьбу и горбя спину.

И стон и радость над землей
Плынут,
сливаясь воедино,
И нет напрасной ни единой
Кровинки пролитой,

святой.

* * *

Ох, какой мороз, поле вымерзло.
Звезды ясные в небе замерли.
Все, что было живо, повымерло.
Что летало — упало замертво.

Портрет

Я в зале.
Предо мной портрет.
На вид — простой.
Того,

кто на портрете,
нет

Уже лет сто.
Ушел из жизни он давно.
Художник мертв.

Но живо,
живо полотно!

Я в пол паркетный вмерз
Ошеломленный.

Но не им,
Что предо мной висит.

Я понял,
как короток миг,

Мне данный на визит
На эту землю.

Тишина
Зажала в горле крик:
— Судьба,

Александр Чернобровкин

ДЕННИЦА

Рассказ

На безоблачном небе, сплошь усеянном звездами, яркими и ядренными, красовался молодой месяц, молочно белый и словно набухший от росы, которую, наливая взамен серебристым сиянием, впитывал из цветов, листьев и травинок на лесной поляне, посреди которой выстроились полукругом двенадцать девушек-погодков, голубоглазых и со светло-русыми волосами, заплетенными в косы: у старшей — длиной до середины бедер и толщиной в руку, у следующих — все короче и тоньше и у самой младшей — хвостик, перехваченный ленточкой. Одеты они были в белые просторные рубахи до пят с вытканной на животе золотыми нитками головой Даждьбога — густые, нахмуренные брови, наполовину скрывающие глаза, способные испепелить переполняющей их злобой, широкий нос с вывороченными ноздрями, казалось, учтившими врага, суроно скатые губы, не ведающие жалости и сострадания, и вздыбленные пряди волос, обрамляющие, как языки пламени, круглое лицо. Перед дюжины красавиц замерла, склонив наголо стриженнюю голову, двенадцатилетняя девочка, обнаженная, с худеньким, угловатым телом и едва проклонувшейся грудью.

В глубине леса тревожно ухнула сова, между деревьями прокатилось троекратное эхо, постепенно слабеющее, будто стиралось об еловые иглы. Старшая девушка отдалась от подружек и лебединой бесшумной походной, гордо держа голову, оттянутую тяжелой косой, поплыла, оставляя на посеребренной траве широкую темную полосу, по кругу, в центре которого находилась обнаженная девочка, а когда оказалась у нее за спиной, повернула к ней. На ходу собрав росу с цветов и травы, остановилась позади девочки и омыла стриженнюю голову. Руки медленно проползли по колючему ершику, перебрались на лоб, скользнули указательными пальцами по закрытым векам, сдавили подрагивающие крылья носа, сошли на плотно скатых губах, вернулись на затылок и отпрянули, точно обожглись. Старшая красавица обошла девочку и замерла в трех шагах лицом к ней. Подошла вторая девушка и окропила росой шею и плечи обнаженной, но не встала рядом с первой, а поплыла дальше по кругу и остановилась на нем как раз напротив того места, где вначале была старшая. Затем третья выполнила свою часть обряда и присоединилась ко второй, четвертая, пятая... Предпоследняя омыла ноги обнаженной, а последняя, самая юная, на год старше девочки, надела на нее белую просторную рубаху с широкими рукавами и вышитой на животе головой Даждьбога и повела вновь обращенную к десяти девушкам, выстроившимся полукругом, перед которыми стояла со склоненной головой старшая красавица.

Все тринадцать не двигались, молча прислушивались к ночным лесным звукам: шелесту листьев, потрескиванию веток, труящихся друг о друга, попискиванию мелких зверьков, хлопанью крыльев потревоженных птиц да скрипучей перекличке журавлей на болоте вдалеке. Вновь ухнула сова, прокатилось троекратное эхо, и на короткое время лес затих, словно насторожился. Старшая из стоявших полукругом девушек отдалась от подруг и плавной бесшумной походкой обогнула свою бывшую предводительницу, зашла со спины. В ее руке блеснул короткий нож — и толстая коса мертвей змеей упала на траву. Лезвие оттянуло отворот рубахи, поползло вниз, с треском распарывая материю. Рубаха сама собой скользнула на землю, обнажив стройное тело с упругой, налитой грудью, густой порослью внизу плоского живота и длинными и ровными, будто выточенными ногами. Новая предводительница завернула отрезанную косу в распоротую рубаху и стала шагах в трех позади обнаженной. Остальные девушки омыли обнаженную с головы до ног росой и построились по старшинству в колонну. Бывшая предводительница попробовала гордо вскинуть голову, но та без косы никла, как надломленный цветок. Нерешительно, точно и ноги вдруг стали непослушны, она сделала маленький шагок, еще один и еще, немного приободрилась и засеменила прямо через поляну к тропинке, ведущей вглубь леса, оставляя на посеребренной траве темные овалы — следы босых ног. Дюжина красавиц-погодков, отпустив обнаженную шагов на десять, цепочкой потянулись следом.

Тропинка привела их на другую поляну, большую и разделенную на две неравные части холмом, поросшим высокими густыми кустами. Посреди большей части рос древний дуб в несколько обхватов, нижние ветки которого были увешаны разноцветными ленточками, новыми и старыми, беличными шкурками, увядшими венками. Под деревом были сложены поленицы дров, видимо, для костра, который собирались жечь во впадине, заполненной черными головешками и серовато-белыми костями и расположенной посередине между дубом и черным деревянным идолом, стоявшим на возвышенности из

обомшелых валунов. У идола были золотые волосы и борода, которые, напоминая языки пламени, обрамляли круглое свирепое лицо с сурово скатыми губами, вывороченными ноздрями и густыми бровями, напльвавшими на красные глаза из драгоценных камней. Глаза смотрели на восход и время от времени словно бы наливались злобой, когда на них падали отблески большого костра, горевшего на противоположном склоне холма почти у вершины. Оттуда доносились мужские голоса и звон чаши и тянуло запахом жареного мяса: видать, вдоволь было и еды, и хмельного, и желания пировать.

Обнаженная девушка остановилась на краю поляны, прислушалась к мужским голосам, то ли пытаясь распознать знакомый, то ли еще почему. Из-за кустов послышалось пение: высокий и чистый мужской голос, цепляющий душу, затянул щемящую-грустную песню о расставании с любимой перед походом:

Не плачь, моя лада,
Потускнеют очи,
Не увидят в синем небе
Сокола сизого.
Лететь ему далеко,
В края чужие,
Ударить острым клювом
Ворона черного...

Песня растекалась по поляне, как бы вбирая в себя серебристый блеск росы и становясь чище и звонче, ударялась о деревья и по-новой накатывалась на девушек, слушавших жадно, боясь упустить хоть слово, а обнаженная даже подалась вперед грудью и вскинула непокорную голову, точно именно ей и только ей одной предназначалась эта песня.

Певец вдруг смолк, послышались задорные возгласы и перезвон чаши. Костер взметнул к темному небу багряные языки, которые отразились в глазах идола и как бы наполнили их яростью. Обнаженная пожухла под их взглядом и, словно подстегнутая кнутом, торопливо застеменила к пещерам, вырытым в склоне холма, к ближней к дубу и наособицу от остальных, в которой ни разу не была. Двенадцать одетых девушек проводили ее до входа и, не обменявши ни словом, ни жестом, пошли к самой большой пещере, расположенной в другом конце склона.

Обнаженная приподняла край бычьей шкуры, тяжелой и негнущейся, которая загораживала вход в пещеру, шагнула вперед, в темноту. В нос ударила густая вонь волчьего логова. Девушка протянула руку и нашупала шкуру, наверное, волчью, подвешенную за хвост. Справа и слева от этой шкуры висели другие, а за ними — еще несколько рядов, словно бы вход охраняла стая волков. Девушка пробралась между ними и оказалась в треугольной пещере, теплой и сухой, в одном из углов которой стояла она, в другом стояло ложе, низкое и широкое, застеленное одеялом из серо-рыжих беличьих шкурок, а в третьем был сложен из валунов очаг. В очаге горел огонь, дым поднимался к потолку и как бы втягивался в расщелины. У огня сидел на скамеечке кудесник — дряхлый старец с длинными седыми волосами и бородой, свернувшись, точно кошка, клубочком на его коленях, напоминающий лицом своим идола, голова которого была вышита золотом на его белой рубахе, длинной, с широкими рукавами и подпоясанной золотым ремешком. Деревянной ложкой кудесник помешивал пунцовое варево в глиняной чаше, стоявшей на камне у очага. От варева шел пьянящий аромат, одновременно и сладкий и горький, и мягкий и острый. Девушка еле заметно пошевелила ноздрями, втягивая дурман, который будто бы сразу же попадал в зрачки, наливая и расширять их. Руки, прикрывавшие грудь и низ живота, опустились, словно подчинились кому-то ласковому и настойчивому, темные соски набухли, а по плоскому животу пробежала судорога и будто бы запуталась в светло-русой поросли на лобке, ноги раздвинулись, чтобы помочь ей выбраться — и резко сжалась. Девушка обмякла, еще ниже понурила голову, закрыла глаза и безвольно, точно во сне, но ни разу не споткнувшись, подошла к кудеснику и остановилась в той точке в двух шагах от него, в которую был направлен его взгляд. Старец зачерпнул из чаши варева, понюхал, болезненно морща, а когда отнес ложку от носа, лицо его помолодело, посветлело, в расширенных зрачках появился блеск и они невольно покосились на девушку. Раздраженно отшвырнув ложку, кудесник поднялся, сложил руки на животе, как раз под головой Даждьбога, словно поддерживал ее, сильнее нахмурил брови и заговорил тихим, старческим, но еще твердым голосом:

— Мы, русичи, — даждьбожьи внуки, а ты — его дочь, денница, полуденная звезда. Двенадцать лет ты исправно служила своему отцу, поддерживая по ночам огонь в его очаге, и Даждьбог был милостив к своим внукам. Служба твоя кончилась. Этой ночью — самой короткой в году — ты изменила ему, став женой Месяца. — Кудесник прогнал чашу: горяча ли? — Через жизни каждой женщины проходят двенадцать мужчин. Каждый забирает частичку ее души — кто больше, кто меньше. После них женщине уже нечего отдавать, души у нее нет. Нечемо отдавать — нечем любить, нечем любить — незачем жить. — Он снова прогнал чашу и решил, что недоста-

ты дашь мне полотна
И кисть в руке,

той, что сама
Меня изобразит?
Ответа не было.

Ответ
Висел передо мной —
Портрет, и вправду, был простой,
В портрете живший
— нет.

Шутливое

Серый вечер,
синий вечер,
светлый ветер за плечом.
Незатейливые речи,
все на свете — ни почем!

Мы вдвоем,
все в мире наше,
шире мысли,
выше дух —
рухнул занавес и краше
стало все для нас, для двух.
Из-за занавеса море
вскоре к пяткам подползет,
принесет любовь,
а горе
языком своим слизнет.

Ты тони, тоска, в пучине,
я кручиной не зальюсь.
Зло, запутайся в трясине,
растяси себя и груст!

С расставаньицем, обиды,
свиты вам не занимать,
где вы?

вас уже не видно!
Вот и ладно!

Наплевать,
позабыть и отказаться,
ускользнуть из ваших лап.
Слаб,

кто должен притворяться.

Притворяющийся — раб

своих собственных мечтаний
и штаний суеты,
в магите пустых желаний
нет желанной простоты.

Чистоты и просветленья
в тленье жизни не найдешь,
но поймешь,

что исцеленье
лишь в себе ты обретешь.

От себя зажжешь костер ты,
и костром тем будешь сам —
хлам сгорит,

какого ж черта
ты жалел тот старый хлам?!

Оцени — что остается,
станет топливом души.
Не туши огня!

Вернется
все к тебе же.

Не туши!

Не греши на неудачи,
и без них не жди удач,
заглуши все всхлипы, плачи:
плач не врач,

улыбка — врач.

Верь лечебной ее силе —
были горести — и нет!
были-сплыли,

отступили,
растворив коросту бед.

Принесут надежды волны,
как одежды для нагих.

Есть всегда двоим что вспомнить
в сумерках предгрозовых.

точно остыла. — Дажьбог ревнив, не прощает дочерям измену с Месяцем. Разгневавшись, он перестанет помогать своим внукам: зной испепелит злаки и травы, высушит реки и озера — наступят глад и мор. В такой несчастный год умерли твои родители, братья и сестры. Чтобы не случилось беды с русичами, поутру ты представишь перед очами Дажьбога и искупишь грехи, свои и всего племени.

Кудесник двумя руками поднял чашу. Пунцовое варево как бы трепетало, переливаясь оттенками красного цвета, отчего казалось живым — душой, только что вырванной из человеческой груди.

— Любовный напиток. Он малое сделает большим, а важное — суетой, — сказал старец, передавая чашу. — Пей зараз до дна.

Денница поднесла чашу к губам, вдохнула трепещущими ноздрями сладкий дурман. Крупная дрожь пробежала по телу девушки, руки затряслись, едва не расплескав напиток.

Кудесник напрягся, сжал руки в кулаки, глаза исчезли под нахмуренными бровями.

Денница уняла дрожь в теле и плавными движениями, как солнца, припала к чаше. Первый глоток дался тяжело — горяч ли был напиток или горек? — она справилась с собой, глотнула во второй раз, в третий... Лицо ее начало наливаться пунзовым румянцем. Выпив чуть меньше половины, денница поперхнулась. Пунцовая капля выплыла из уголка рта, пробежала по подбородку, спрыгнула на грудь, которая, казалось, набухла еще больше и закаменела.

Кудесник испуганно дернулся головой, впился взглядом в каплю, будто надеялся остановить ее. Капля, уменьшаясь, добралась до пупка и спряталась там. Старец подождал немного, убедился, что не вытечет и не упадет на землю, облегченно вздохнул.

— И эта... — глухо буркнул он и подстегнул денницу злым взглядом.

Девушка быстро допила чашу и передала ей старцу. На покрасневших и будто припухших губах денница играла улыбка, сочная, сучья, щеки полыхали от румянца, а глаза казались двумя темно-синими кусочками весеннего грозового неба. Когда ее пальцы ненароком дотронулись до руки старика, она одернула их и впервые посмотрела на него, как на мужчину.

Кудесник поднял чашу на уровень ее глаз, точно заграждалась от них, и резким движением разломил пополам. Обе половинки были брошены в очаг, где занялись синевато-зеленым пламенем, а по пещере растекся острый, возбуждающий запах.

— Помни, — слабеющим, но все еще строгим голосом молвил кудесник, — ночь эта коротка и бездонна, как любовь, а там, — показал он скрюченным пальцем на выход из пещеры; — смерть, черная или белая, долгая или легкая. — Помолчав немного, будто собирая силы, чтобы произнести последние слова, приказал: — Ложись и жди.

Денница, широко расставляя ноги, приблизилась слабой, большой походкой к ложу, оглянулась. В пещера никого больше не было. Она села на ложе — и застонала томно: прикосновение ягодиц и бедер к мягкому, ласковому меху оказалось необычайно приятным. Закусив нижнюю губу и плотно сжав веки, она, вздрагивая от наслаждения, легла навзничь. Деннице показалось, что чувствует, как от очага катятся волны тепла, каждая следующая — теплее предыдущей, словно пламя разрастается ввысь и вширь, запахло гарью, послышались мужские голоса, пьяные и злые, и звон оружия...

...горело где-то рядом, соседний, наверное, дом, оттуда и голоса доносились. Никто не ожидал нападения среди бела дня, большая часть селян была в поле, а те, кто, как она, остались присматривать за домом, не успели убежать в лес. Она, двенадцатилетняя девочка, залезла под лавку и накрылась старым рядом, тревожно прислушиваясь к голосам, доносявшимся со двора.

— Моя! — крикнул молодой мужчина, и ступеньки крыльца заскрипели под тяжестью его шагов.

Сильный удар распахнул входную дверь, жалобно заскрипели петли, в сенях загрохотал, покатившись, пустой бочонок. Свистнул меч, легко переполовинив полог из волчьих шкур, и со стуком вонзился в приголоку. Мужчина перешел из сеней в горницу, подцепил ногой скамейку, которая с шумом покатилась к лавке и остановилась в полусажени от нее. Зазвенело железо о железо — сбили замок с сундука, стукнулась крышка о стену, с тихим шорохом начала падать на пол одежда, штуки полотна.

Девочка чуть приподняла угол рядом, посмотрела в сторону сундука. Возле вороха вываленной на пол одежды она увидела сапоги, большие и стоптанные наружу, о левые голенище бились ножны меча. Ноги торопливо сгребли одежду и штуки полотна на растянутый рядом платок с желто-красными цветами по черному полю. Руки схватили два противоположные угла платка, связали их, потянулись за двумя другими — и девочка увидела лицо грабителя, молодое и загорелое, с короткой русой бородкой и, кажется, серыми глазами: разглядеть не успела, потому что испуганно закрылась рядом.

Грабитель подошел к лавке, нащупал под рядном девочку, рывком вытянул ее. Спрятав меч в ножны, он накинул на левую руку девичью косу, а правой разорвал рубаху. Худенькое, угловатое тело с едва проклонувшейся грудью не сильно заинтересовало его. Какое-то время он молча разглядывал девочку, затем помял грудь, бедра, одобрительно гмыкнул. Толкнув девочку на лавку, он неспешно снял пояс с мечом.

Девочка лежала неподвижно, хоть и боялась, но уже не так, как раньше, потому что поняла: не убьют, сделают другое. В ноздри ей ударил запах чужого тела — тяжелый дух пропотевшего мужчины. Шершавая, мозолистая рука помяла ее бедра, раздвинула, согнув в коленях, ноги. Твердое и упругое вдавилось в ее промежность, наполнив тупой болью. Мужчина дернулся и хекнул, словно рубил дрова, — и другая боль, острая и короткая, пронзила ее тело, заставила жалобно вскрикнуть. Потом было терпимо, вот только ноги начали затекать.

Скрипнув зубами, мужчина замер и напрягся, через какое-то время ослаб телом и как бы потяжелел, дыхание стало реже и тише и переместилось с темечка девочки на ее щеку и шею. Он отпустил ее ноги, и девочка осторожно, боясь потревожить мужчину, разогнула их и облегченно вздохнула. Грабитель слез с нее, сел на край лавки. Шумно зевнув, он почесал через одежду грудь, пошел к печи. Заслонка полетела на пол, из печи были вытащены обе кринки топленого молока, желтовато-белого, с темно-коричневой пенкой. Мужчина выдул одну кринку и разбил ее о стену, из второй выловил пальцем пенку, а молоко выплеснул в печь. Вернувшись к лавке, он подпоясался, вынул меч из ножен.

Девочка, испуганно всхлипнув, отвернулась к стене, закрыла лицо руками. Острие меча коснулось ее шеи, поддело косу. Грабитель другой рукой оттянул косу и перерезал ее мечом, полюбовался добычей, весело хохотнув, сунул в узел к награбленному добру и вышел из избы.

Девочка слышала, как проскрипели ступеньки крыльца, как заржал во дворе конь, как мужчина перекинулся с кем-то короткими фразами, как вдалеке прокричали зычно и всадники поскакали туда. В деревне стало тихо, даже собаки не брехали, но девочка боялась пошевелиться. Между ног было мокро и липко, наверное, текла кровь. И еще жалко было косы — девочка дотронулась до коротких и колючих прядей на затылке, — без которой хоть из дома не выходи. Она ткнулась лицом в подушку и заревела от стыда и обиды...

...пролились слезы и как бы размыли горе. Она еще раз потрогала волосы на затылке, упругие, отталкивающие ладонь, перевернулась на спину и открыла глаза. Огонь в очаге горел ярко — кто-то подкинул несколько поленьев — и блики бегали по неровным стенам пещеры, словно бы выгоняя темноту из трещин и впадин. Возле очага валялись черепки от разбитой кринки, у входа в пещеру — перерубленные волчьи шкуры, а в полусажени от ложа — сломанная скамейка. С поляны доносились звуки веселого пиршества и захлебистый, бесстыдный смех, каким провожают из-за свадебного стола жениха и невесту...

...жених стоял с самодовольной улыбкой на красном лице, покрытом крупными каплями пота, и будто не видел невесты, неотрывно смотрел на ложе, словно сомневался, то ли это или найдется другое? Убедившись, что другого нет, подошел к ложу, сел на край и как-то сразу растерял самодовольство, превратившись в усталого человека, наконец-то обретшего тишину и покой. Он оперся руками о колени и задумался о чем-то, затем привычным жестом расстегнул неподатливые крючки нового кафана, богатого, шитого серебром, потянулся к сапогам и тут вспомнил, почему здесь находится. Выставив ногу вперед, он скорее попросил, чем приказал:

— Разуй.

Невеста опустилась перед ним на колени, взялась двумя руками за остроносый сапог из мягкой кожи, потянула на себя. В нос ей шибанула вонь потной ноги, а портнянка была такой мокрой, будто в ней ходили по лужам. Жених пошевелил бледными пальцами с толстыми желтыми ногтями, поставил разутую ногу на холодный пол, блаженно застонал и протянул невесте обутую. Пока она стягивала второй сапог, произнес извиняющимся тоном:

— Умаялся в них: нерастопанные, первый раз обул, — а когда она поднялась с коленей, похлопал ее по заду и радостно воскликнул: — Жена!

И сразу приободрился — усталости как ни бывало! — торопливо разделился, роняя на пол семена хмеля и ржи, которым гости посыпали молодых, и развалился на ложе.

Невеста раздевалась медленно, стесняясь неотрывного мужского взгляда, а легла так, чтобы не касаться мужа, и стыдливо закрыла глаза. Он назвал ее женой, выбрал из всех девушек деревни, потому что любит, и она будет любить его. Влажными полными губами припал он к ее сухим губам — и она откликнулась на ласку. По телу невесты растеклась теплая истома, приглушившая боль, хоть

Незатейливые речи,
теплый ветер за плечом.
Синий вечер,
темный вечер —
мы вдвоем
с моим пером.

Марш-бросок
Воздуха!
Воздуха!!
Хоть глоток!!!
В глазах зеленое пляшет и черное.
Когда же кончится этот бросок??
Наверное,
только с сердцем разорванным.

Молот безжалостный лупит в мозгу:
Удар!

Шаг!
Удар!
И вновь!

Сердце стучит:
— Я уже не могу!

Хватит!

Но гонит кровь.
А к сапогам весь земной шар прилип,

Тянет к себе,

вниз.

Легкие,
только бы вы смогли

Выдержать,

не порвались!

Нету исхода!

Кончаются силы —

Упасть,

умереть,

застыть...

Мчится пехота, будто решила

Порвать окоема нить.

До краев

Что дают? Что??

Странный вопрос

Ослепли, что ли, —

одни мужики!

Дым сигарет и папирос,

Гривы до плеч и седые виски.

День на закате.

Из проходных,

Серые после рабочего дня,

Вливаются в очереди у пивных —

Мелочь в кармане — нет и рубля.

Рядом с очередью,

качаясь,

Стоит завсегдатай — в стельку пьян,

С работы выгнан, во всем отчаясь,

бежит, белоголова, в хмельной дурман.

Бот подкатила студентов орава,

Им на зачет,

а они — сюда.

Брезгливо,

мимо,

матрона седая —

Как прокурор из зала суда.

Очередь ждет.

До заветной кружки

С шапкой пены — еще далеко.

В джинсах и пудре

под ручку

подружки,

Фыркнув, прогарцевали легко.

Очередь ждет,

а кто-то нахрапом —

Чего, мол, шумишь!

я тут занимал!

Рядом другой —

тихою сапой,

Клинчит, скромно потупив глаза.

Очередь.

Люди.

Разные судьбы.

Кто-то случайно.

А кто-то навек:

С нас не будет

и к нам не прибудет —

Нынче дозволено,

пей, человек!

Нечто, прикрытое драным халатом,

Брызжет,

слюной исходя у окна:

Пустите, мол, женщину!

Кроет матом!

Вас вон — мужиков-то,

а я-то одна!

Студенты хихикают, кто-то плюется.

Гомон над очередью — как пелена.

И каждый надеется —

он доберется!

Задним не хватит.

Ему — сполна!

и не такую острую, как тогда, пять лет назад, но тоже не- приятную, а когда стало полегче, раздвинула шире ноги, чтобы мужу было удобней.

Вскоре он вцепился зубами в ее шею у ключицы, за- рычал сладострастно. Потом зубы его медленно разжа- лись, а тело будто расплылось и стало мягкое. Муж лег ря- дом с ней, повозился малость, устраиваясь поудобней, и замер со скрещенными на животе руками.

Опять из нее что-то вытекало, наверное, кровь, надо бы подложить что-нибудь, но стеснялась, ждала, когда муж заснет. А он, хоть и дышал теперь ровно, засыпал не собирался. Она почувствовала, как волнами начала расходиться от него злость: первые были бледно-красны- ми и невысокими, обещали быстро затухнуть, но следу- ющие вдруг стали багроветь и вырастать, побежали быст- рее и чаще. Она догадалась, что взбесило мужа, и при- двинувшись и прижавшись щекой к его плечу, собра- лась рассказать, как все случилось, что не виновна, блюла себя, но не успела. Дальней рукой с маxу уда- рил муж ее по лицу, отчего из глаз брызнули искорки, в ухе зазвенело, а скулу свело, если бы захотела что-нибудь сказать, теперь бы уже не смогла. Больше ее не били, и она потихоньку отодвинулась от мужа. В голове стоял тихий звон, какой издает лишь пустота, и в сердце было пусто...

...и в пещере. Откуда-то издалека, казалось, с другого края леса, доносилась песня, в которой трудно было разо- братить слова, но легко угадывались грусть-тоска в высо- ком мужском голосе...

...пели за окольцей, где по вечерам собирались моло- дежь. Пойти бы послушать, но замужней женщине туда ходу нет. И она сидела у окошка, смотрела на темную улицу, надеясь, что молодежь вздумает пройтись через деревню, и можно будет наконец-то увидеть, кто поет. Вроде бы так и должно случиться: песня зазвучала гром- че и отчетливей, будто певец приближался к центру дере- вни.

За спиной послышались шаги — вернулся муж. Осто- рожно, словно хотел шутки ради испугать жену, подкрал- ся он, обхватил руичками иtkнулся холодным носом в ее шею. Жена недовольно пошевелила плечами, высво- бождаясь из объятий.

— Пойдем спать, — просительно молвил муж, — позд- но уже, а мне до зари надо встать, сама знаешь.

Она молчала и не шевелилась, прислушиваясь к пес- не, пытаясь по отдельным понятным словам догадаться, о чем в ней поется. Наверное, о том, как тяжко жить с по- стыдным мужем, как уходят годы, а вместе с ними красо- та. И детей нет — боги не дали, — и не на кого истратить любовь, которой накопилось так много, что тесно ей в сердце, душит сама себя.

— Пойдем, — муж нежно, но требовательно сдавил ее плечо, заставляя подняться.

Она сбросила его руку и прильнула к окошку: пели уже совсем близко, сейчас будут проходить мимо их дома.

...Ой, собрались вороны —
Почернело небо —
И напали грозной тучей
На добра молодца.
Долго был их сизокрылый,
От зори до зоренъи
Окропил сухую землю
Кровью вражьей...

Песня вдруг оборвалась, послышался веселый смех, постепенно затихающий: молодежь пошла назад, к око- лице.

— Пойдем, а? — скрипнул муж.

— Ложись, я посижу чуток, — ответила она.

— Подождешь, пока я засну?! — обиженно крикнул он. — Не выйдет! А будешь упрямиться, к родителям от- правлю, не нужна мне такая жена!

— Отправляй, — промолвила она. Чем так мучиться, путь лучше родной отец убьет. А может, и к лучшему все обернется.

Словно угадав ее мысли, муж спросил язвительно:

— Думаешь, другой возьмет в жены? Кому ты нужна, пустоцвет?!

Она вздрогнула, как от удара, поникла головой. Глаза ее уставились на живот, так и не познавший материнства. Она покорно встала, задула лучину, подождала, когда глаза привыкнут к темноте. Перешла к лавке. Муж уже лежал, нетерпеливо ерзал. Пусть помается, и чем дольше, тем меньше ей потом мучиться под ним. Она легла на спину, раздвинула на самую малость ноги: ему и так хватит, а ей все легче...

...огонь в очаге догорал, еле заметные язычки пламени вырастали над углами и быстро никли, почти не освещая пещеру. Денница лежала на спине и с тоской прислуши- валась к звукам, глухим и непонятным, словно истер- шимся о стены пещерного лаза. Кажется, мужчины спо- рили о чем-то, а может, просто разговаривали — пьяные, поди их разбери! Сейчас кто-то из них вспомнит, что на- ступил его черед, и попрется в пещеру. Пусть не спешит,

здесь ему нешибко рады. А с другой стороны — скорей бы все это кончилось...

...она лежала лицом к стене и прислушивалась к зву- кам в сенях. Муж нетвердой походкой, перевернув по пу- ти лохань, добрался до двери в горницу. Какое-то время он царапал дверь, как кошка, не мог, наверное, вспом- нить, как открывается. Вспомнил-таки и, споткнувшись о порожек, с грохотом ввалился в горницу. Пробурчав что-то невразумительное, но веселое, он на четвереньках подполз к лавке.

— Слыши? — толкнул он жену в плечо. — А что я тебе принес?

Она не отозвалась, притворяясь спящей. Муж долго рылся за пазухой, разыскивая подарок, а найдя, снова толкнул ее в плечо.

— Во, смотри!

В темноте немного-то и увидишь, но любопытство взяло верх. Не оборачиваясь, жена опустила нашла руку мужа, толстопалую, с грубой, шершавой кожей, и бусы в ней, снизанные из продолговатых твердых зернышек, наверное, из «кошачего глаза», о таких давно мечтала, упрашивала купить. Она бережно высвободила бусы из мужской руки, перебрала зернышки, гладкие и теплые, приложила к шее, примеряя. Вроде бы впору, муж не дал толком померить, полез целоваться. Она оттолкнула его:

— Погоди!

Расстроенно вздохнув — не даст ведь полюбоваться подарком, пока своего не получит! — она зажала бусы в руке и перевернулась на спину.

Когда муж после долгих и, кажется, бесполезных ста- раний слез с ней и захрапел, негромко и монотонно, уба- юкивающе, жена справилась с дремотой, встала с лавки, подбежала к окну. Месяц светил ярко, видно было, как днем. Она медленно разжала пальцы, подставив серебри- стому свету бусы, свернувшиеся на ладони темной змей- кой. Зернышки не вспыхнули зеленоватым огнем, были тусклы, даже лунный свет как бы сполз с них, не задер- живаясь. Дерево, твердое дерево, может, бук или граб, но уж никак не «кошачий глаз»...

...угли в очаге покрылись сероватым пеплом, однако еще не потухли и еле-еле подсвечивали пещеру бледным красноватым сиянием, которое не задерживалось на тус- клых деревянных зернышках бус, и денница сжала паль- цы, пряча в ладони обманутую надежду. Слезы, крупные и горячие, покатились по щекам, унося с собой и силу любовного напитка. Хотелось заснуть, забыться до вос- хода солнца, пока не кончается ее муки...

...она с трудом открыла глаза, потому что веки нали- лись тяжестью, по шуду в каждом. Много выпила вчера, надо было отказать от последней чарки, и муж не совето- вал, но именно назло ему и приняла ее. Распухшим язы- ком, едва помешающимся во рту, облизала сухие, словно покрытые рыбьей чешуей, губы, попробовала слотнуть слону, вязкую и кислую, не смогла и протяжно застона- ла, стыдясь самой себя. И тело болело, особенно бедра и низ живота. Она провела рукой по груди, животу, просу- нула в промежность, дотронувшись до волосков, мокрых, и слипшихся. Кажется, было. А с кем? Что, если не с му- же? Если и не с ним, то сам виноват: у хорошего мужа и жена хорошая...

...она повернула тяжелую, одурманенную голову к оча- гу. Пламя, еще робкое, еле заметное, протискивалось в щели между серыми углами и жадно облизывало свет- лые березовые поленья, наваленные как попало. Значит, было. А с кем? Какая разница, пусть и остальные пройдут так же незаметно! Денница вдруг стало весело, по телу словно бы пробежала горсть горячих искорок, сделав его легким и сильным. Наверное, опять подействовал кудес- ников напиток, вторая, большая, часть его, выпитая по- сле того, как поперхнулась.

К пещере приближались шаги, твердые и неторопли- вые: идущий не сомневался, что получит положенное ему. Получит, но не сразу, сперва попросит хорошо, пока не решит, что напрасно старается, пока не перегорит в нем желание, тогда она и уступит, чтобы награда показа- лась ему наказанием...

...он вошел в горницу, снял шапку, тряхнул русыми кудрями, пригладил курчавую бороду, улыбнулся, одновременно и здирясто и робко, показав ровные белые зу- бы, глянул зеленовато-голубыми глазами ей в глаза и проник, казалось, прямо в самые тайные уголки ее серд- ца. И не стало у нее сердца, хотя и билось что-то в груди, бешено и гулко, оно словно бы растаяло, как воск на огне, и перетекло из ее глаз в мужские, такие родные, будто всю жизнь их знала. Он приоткрыл рот, намереваясь что- то сказать, а она уже знала, какой у него голос — тот, вы- сокий и чистый, цепляющий за душу, будящий щемя- щую гру

В метро

Вот две девчоночки в дубленочках,
Колечки выставив на пальчиках,
С игривой томностью котеночкой
О фирменных толкуют мальчиках.

И однокурсницу-товарочку
Помянут, глазами сливавшись,
С ехидцей, с показною жалостью:
— Такая русская, простая...

Куда ей, серой мышке, зариться
На их добычу предстоящую,
Ей женишком не отовариться,
Ну разве — самым завалящим.

Куда ей — дискотек чурается.
Как из огня бежит из бара!
А вон, у Динки, получается
С товарищем из Занзибара.

С благоговеньем, чуть не шепотом,
И с искрами в глазах восторженных
Судачат о девицах опытных
И интровервоках поношенных.

Откуда взялись вы, милашечки,
И «непростые» и «нерусские»,
Такие славянские пташечки,
С такими пальчиками узкими,

С такими мыслями широкими —
От «Лейпцига» и до Белграда»,
Завороженные «березками»?
А может, так оно и надо?

А может, в этом радость юности —
Не ведать горести и жалости?
Все прочее — от скрупульности,
От «русской, простенской» отсталости?

Неужто впрямь — простое, русское —
Для вас лишь только платье узкое,
Что брошено за обветшалостью,
Своей немодностью и старостью?

Да пусть их, фирменные шмоточки
И дефицитнейшие тряпочки,
И вправду, лучше, чем обмоточки
Или «восточные» тапочки.

Пускай мне станет все до лампочки,
К чему тревожиться — печальиться —
Две крошки-девочки, две лапочки
Не повод, чтобы вдруг отчаяться.

Необъяснимое

Пораскинь мозгами,
пораскинь!
Синь журнальная — еще не синь.
Свет от лампочки — еще не свет.
И тебя на свете еще нет.
Тень от рампы на кулисе — тень.
День, что будет завтра, это день.
Пораскинь мозгами, пораскинь —
сдвинь их набекрень немного,
сдвинь!

Что тобой посажено — пожнешь.
Верящих в тебя — не подведешь.
Не обманешь тех, кому помог.
Слог твой,
хоть из кожи вон,
— твой слог!

Набекрень!
Еще хоть каплю набекрень!
Через пень трухлявый
(коль тебе не лень)

преломи причудливую тень —
в кружева теней одень плетень,
чтобы через заросли словес
чистый лучик на плетень пролез!
Не умеешь —
помолчи в тиши.
Не пиши напрасно.

Не греши!
Ни зимой, ни летом
не пиши!
Лучше встань с рассветом —
попаши!

Карандаш и ручку —
все зарой!

В землю!
В самый плодородный слой!
Да сиди,
верь в чудо,
не дыши —
сторицей взойдут карандаши!
Если верить и упорно ждать,
если снизойдет вдруг благодать
и тебя не выгонят взашей —
целый лес взойдет

карандашей!
Ну, а если все же удивишь,
и тебя советом не проймешь —
отзовешься бредом,
рассмешишь,
у Сизифа камень переймеш.

полностью обессилив, даже ноги подогнулись.

— Что молчишь? Али не рада? — с наигранной обидой спросил он. — А то могу к соседям пойти!

— Оставайся, — разрешила она тоном, больше похожим на просьбу. Щеки ее полыхнули пунцовыми румянцем: ведет себя, как потаскуха! Она сложила руки на животе, вцепившись одной в другую, и строгим голосом добивала: — Если ничего дурного в мыслях не держишь.

— Дурного? — переспросил он, облизав сочные губы. — Глядя на такую красоту, можно думать только о хорошем!

Он подошел к ней вплотную — отшагнуть бы ей, да не было моченьки! — и обнял крепко — kostочки хрустнули, — прижал к себе, заставил приподняться на цыпочки. Она обмякла, повисла на его руках, а тело ее словно бы опало бесшумно на пол, как одежда, оставив в мужских руках лишь женскую душу, исстрадавшуюся без любви. Он поцеловал ее, затем подхватил на руки и отнес на лавку, ловкими и нежными движениями раздел ее, застыдившуюся, точно впервые была с мужчиной. Целовал долго и неторопливо, будто собирая по капле любовный мед, в который превратилось, расставя, ее сердце, и ей захотелось, чтобы поскорее сделал больно, иначе выпьет до дна и нечего будет дать ему в следующий раз. Она верила, что они еще встретятся, много раз, больше, чем поцелуев, которые она уже получила и еще получит этой ночью. И когда она изнемогла от ласк, он сделал ей больно, однако боль была настолько приятной, насколько болезненно жутким своей необъятностью, глубиной и остротой оказалось наслаждение, заставившее закричать ее не своим голосом.

Она словно бы выбиралась из ряной кудели, теплой и мягкой, не веря еще, что все это было на самом деле, а не приснилось. Чуть скосив глаза, она увидела лежавшего рядом мужчину с прилипшими ко лбу, мокрыми от пота, русыми кудрями. Прижалвшись носом к его горячemu плечу, положила руку ему на грудь, в которой надсадно билось сердце, погладила, помогая успокоиться. Мужчина понял ее жест по-своему и, крепко сжав ее ослабевшую ладонь, произнес тихо и твердо, как клятву:

— Я вернусь. Обязательно вернусь...

...она лежала с закрытыми глазами и вспоминала то, что было с ней совсем недавно и вроде бы много-много лет назад, вновь переживала самые приятные мгновения, путь и не так ярко, как было на самом деле, зато их можно повторять бесконечно.

В пещеру доносились отголоски мужского пира, невнятные, точно размытые росой. Вдруг послышался звон железа о железо — опять дерутся, опять какой-то женщины плакать. Протяжный, предсмертный стон комком влетел в пещеру, побился о неровные стены и сполз, будто растаял в тепле, прекратился и звон клинков. Над поляной повисла тишина, гнетущая, недобрая. Нарушил ее мужской голос, высокий и чистый, но песню пел грустную, словно прощался с жизнью.

...Где кровь вражья капала,
Земля загоралась,
Покрывалась скалами —
Клыками черными.
Обессилел сокол ясный,
Ослабели крылья,
И упал широкой грудью
На камни острые...

...она стояла у лавки и с тревогой прислушивалась к шуму во дворе. У крыльца часто всхрапывала и перебирала копытами лошадь, загнанная, наверное, в мыле вся, а бока западают глубоко и часто. Всадник спешился, заводил коня по кругу, не расседлав, делал все неспешно, по-хозяйски, как обычно и вел себя муж, сколько бы долго не был в отъезде: конь ему дороже, чем жена. Значит, напрасно надеялась и ждала, не судьба ей еще раз свидеться с любимым. Ноги ее подломились в коленях, она осела на лавку и вцепилась руками в крайнюю доску, чтобы не упасть от дурноты, подкатившей из глубины живота к горлу. Не услышала она, как скрипнули ступеньки крыльца, как дважды хлопнула дверь, открыта ударом кулака и закрыта толчком ноги, как шаги пересекли горницу, но почувствовала, что кто-то приблизился и подняла заплаканное лицо, чтобы выложить мужу всю правду — и умереть от его руки.

— Али не рада? — спросил вошедшний и тряхнул русыми кудрями.

И опять в ее груди оборвалось и лопнуло что-то, по всему телу прокатился жар, от темечка до подошв, и она ухватилась обеими руками за мужскую рубаху, мокрую то ли от росы, то ли от крови и выскользывающую из пальцев. Любимый подхватил ее на руки и заходил по горнице, баюкая, как маленького ребенка, а она ревела навзрыд, не в силах остановиться.

— Не плачь, моя лада, — произнес он, утешая, первую строку песни.

И женщина затихла, чтобы не услышать продолжения грустной повести о двух влюбленных, чтобы не наклонить на себя такую же беду.

— Я люблю тебя, — молвил он охрипшим голосом, —

и никому не отдам.

— И я, — выдохнула она.

— Я увезу тебя далеко-далеко, туда, где никто не живет. Только ты и я...

— ...и наши дети, — добавила она.

— Не побоишься кары богов?

— С тобой я никого не боюсь.

Он положил ее на лавку и поцеловал страстно, а она прижала его к себе, не желая отпустить ни на миг. Он пробовал высвободиться из ее рук, неожиданно сильных, цепких, не сумел и подчинился им, позабыв о том, что времени у него нет...

...с поляны не доносилось ни звука: то ли пирующие загляделись на что-то необычное и от удивления не могли произнести ни слова, то ли упились и спали. Где-то вдалеке заржала лошадь, словно в ответ ей ухнула сова, коротко и грозно, и тишину разорвали истощенные крики и звон мечей...

...она зажала уши руками и спрятала лицо в подушку, еще хранившую запах мужской головы. Если бы все шло хорошо, не было бы шума: побег любит тишину. Женщина беззвучно шевелила губами, призывая богов на помощь любимому, и если уберегут его, она больше не прогневит их, будет жить с мужем, храня ему верность до конца жизни.

Шум стих внезапно, словно дерущиеся окаменели по велению богов. Она встала с лавки, направилась к окну, не дошла и замерла посреди горницы, спиной к двери, к которой приближались шаги, неторопливые и увереные — шаги победителя. Она знала, что ее ждет, поэтому с закрытыми глазами повернулась к вошедшему и гордо вскинула голову. Холодное острье меча уперлось в ее тепло чуть ниже левой груди, напротив сердца, которое стучало часто и еле слышно, ожидая, когда железо прорвет кожу, легко пронзит мясо и расплывинит маленький, трепещущий комочек, способный любить и ненавидеть. Острье замерло, словно наткнулось на кольчугу, жена открыла глаза, чтобы оскорблением добавить мужу решительности, увидела на клинке темные пятна и подалась вперед всем телом.

Муж ожидал этого, успел отдернуть меч, спрятал в ножны и со всей силы ударили ее кулаком в лицо. Она, словно перышко, улетела на лавку, стукнулась головой о стену и больше не чувствовала боли, ни телесной, ни душевной, как бы со стороны наблюдала за происходящим. Муж снял пояс с мечом, швырнул на пол с тем пренебрежением, с каким избавляются от ненужной вещи. Не разумевшись, он залез на лавку, рывком перевернул женщину на живот и овладел ею грубо и по-скотски, намереваясь посильнее унизить, но так и не понял, не услышав ни стона, ни плача, добился ли своего...

...добрался-таки, однако плакать начала лишь тогда, когда он вышел из пещеры, а если бы и остался, все равно ничего бы не заметил, потому что огонь в очаге почти потух, лица ее не разглядишь, а рот зажимала двумя руками, чтобы не вырвалось ни звука.

Обильные слезы — короткие слезы, на смену им пришли мысли о мести, и даже если за нее придется заплатить жизнью — быстрее встретиться с любимым в мире мертвых...

...она так сильно задумалась, что не услышала, как в избу зашел странник — молодой мужчина, высокий и худой, как жердь, с изможденным лицом и большими, глубокопосаженными глазами с длинными, на зависть женщинам, ресницами. Он, не спросив разрешения у хозяйки, подкинул дров в печь и протянул к огню руки, маленькие, с тонкими пальцами, собрался что-то сказать, но зашелся в кашле, затяжном, чахоточном, согнувшись его пополам, а когда затих и распрямился на лбу и на висках крупным бисером засверкали капли пота, а глаза запали еще глубже и словно бы стали больше и печальнее. На тонких алых губах появилась робкая улыбка, извивающаяся не только за болезнь, но и за то, что пришел сюда.

— Я хотел... — начал он объяснять — и опять согнулся в кашле.

Она подошла к чахоточному, прижала его склоненную голову к своей груди и погладила по-матерински. Волосы были необычайно мягки, казалось, к пуху прикасаешься, такие бывают у маленьких детей. Откашлявшись, странник опустился на колени, взял ее руку, покрыл поцелуями. Не отпуская руки, он прижался лицом к теплым женским бедрам и всхлипнул, одновременно и жалобно и блаженно. А она свободной рукой перебирала его пуховые волосы, позабыв все обиды, причиненные ей мужчинами...

...рука ее скользнула по беличьему меху, и показалось, что все еще гладит мужские волосы, утешая, а заодно и благодаря, что снял коросту с ее сердца. В очаге задорно потрескивали поленья, и теплый воздух волнами накатывался на ее тело, разомлевшее от мужских ласк, нежных и утонченных. Хоть и не был он похож на ее любимого, все

Плюнь!
Твоя затея непроста.

Вместо тени —
свет и пустота.
И плетень с трухлявым пнем вдвоем
обернутся каждодневным злом.
Усомнись.

Сомненье свое взвесь.
Суету в себе самом отринь.
Зеркала внутри себя завесь.
И пропри глаза.

Протри!
Протри!!

Не хула и не отрава-лесть —
будет и тебе Благая Весть.
Стало быть, и ты на свете есть!
А досель была твоя лишь спесь.
Пораскинь мозгами,

пораскинь

и узришь:
где тьма,
где свет,
где синь.

Мрачное

Тяну из болота себя за волосы:
Больно — хоть вой!
Жизнь — разноцветные полосы,
Светлой нет ни одной.

Я завтра скажу: «Все небо в огнях
И мне не знакома тоска!»
Но молотом по наковальне в висках
Сегодня молотит она.

В левый!

Храп!

Храп!!

Без устали, не щадит.
Во рту язык —

безразмерный кляп
Мертвым грузом лежит.

Монолог птицы

Я пень корявый посреди берез,
меня забыли выдернуть когда-то,
по горло я корнями в землю врос
и где мне видеть прелест звездопада!

Мысли вслух

1

Естественный отбор в обществе —
на верха набор и отсев ропущущих.

2

В болоте скользких назиданий и идей
дермо всплыает наверх первым.
Но должен кто-то обнаженным нервом
подхлестывать сознание людей?

3

Мы всех хотели удивить.
Куда ж девалась наша прыть?!

Сны наяву

*

Впереди луга,
позади луга.
Посреди лугов
до небес стога.
Почему стога на лугах стоят,
может, вновь травой они стать хотят?

**

Оглянись хоть раз,
посмотри назад —
на пустых полях

облака грустят.

И колышут лен теплые дожди,
ты не уходи, подожди!
Здесь березы рыжие осенью,
а летом —
в сарафанах вышитых,
ветерком согретые
водят хороводы по лесным опушкам
стройные и белые в черных конопушкиах.

***

И порою так хочется
позвать, позабросить все,
распрощаться с заботами,
с надеющимся осенью,
и с разбегу, размашисто,
и не глядя, не чувствуя,
бултыхнуться в кипящую
жизнь горячую, жаждущую...
пробежаться по чистому
полю летнему, пряному,
заблудиться в лучистом
полумраке бурьянов,
и на лошади бешенной
без седла и без стремени

равно чудилось, что эти два мужчины — две половинки одного целого. Как бы там ни было, а теперь она в каждом будет видеть своего любимого, представлять, что це-ле-уется именно с ним — и так оно и будет...

...муж был настолько пьян, что умудрился удариться о дверной косяк и правым и левым плечом. Остановившись посреди горницы, он почесал оба плеча и спину между лопатками, отрыгнул громко и смачно, наполнив избы густым запахом перегара и лука.

— М-м... — замычал он, то ли от удовольствия, то ли поняв, где находится, добрался на заплетающихся ногах до лавки и рухнул на нее, как подкошенный, придавив жену.

Жена оттолкнула его на край и потеряла ушибленное бедро и бок. Следовало бы высказать мужу все, что думает о его беспробудном пьянстве, но он уже захрапел. Она сняла с его ног сапоги и мокрые от пота портянки, швырнула в сени, снова легла и, когда муж во сне перевернулся на спину и откинулся руку ей на живот, толкнула его в бок что есть мочи.

— М-м... — промычал он и повернулся к жене лицом. Широко распахнутые глаза долго всматривались в женщину, наконец-то узнали, и тогда в ход пошли руки, помявшие грудь и ягодицы. Муж еще раз мыкнул и требовательно раздвинул женины ноги.

Она покорно подчинилась и начала думать о любимом, однако никак не могла сосредоточиться на воспоминаниях: мешали вонь перегара и лука. Жена прикрыла нос ладонью, это не помогло, тогда принялась в уме делать завтрашние дела по дому: доила корову, растапливала печь, шла за водой, готовила обед... Вроде бы все передела, а муж еще пыхтел на ней, не столько от удовольствия, сколько из упрямства, не любил оставлять работу недоделанной. Тогда жена перешла к послезавтрашнему дню, и когда она собиралась накрывать стол к ужину, муж добился своего и слез с нее, моментально захрапев. Жена оттолкнула его, чтобы не дышал в ухо перегаром и луком, да так сильно, что муж свалился на пол.

— М-м... — посыпалось из-под лавки, муж встал на четвереньки и пополз к двери, наверное, по нужде захотел...

...около входа в пещеру пожурчала, разбиваясь о камни, мощная струя, и нетвердые шаги удалились в ту сторону, где шел шир. Оттуда послышались веселые и насмешливые голоса, грохнули раскаты безудержного хохота. Пьяные — почему бы и не посмеяться?! Пирующие в очередной раз позвенели чашами, затихли ненадолго, и к пещере начали приближаться шаги — не совсем трезвые, но и пьяными не назовешь, неторопливые и усталые, как у пахаря в конце рабочего дня...

...он сел на лавку, широкоротко зевнул, потянулся, хрустнув костями. Заметив, что жена не спит, похлопал ее с грубоватой лаской по заду. Рука его, тяжелая и твердая, словно вытесанная из дубовой доски, погладила женин живот и замерла, потому что муж задумался о чем-то не-веселом, судя по тому, как кривились его губы. Он ма-хнул рукой, будто отгоняя неприятные мысли, разулся, аккуратно повесив портянки на сапоги, лег, крепко обнял жену. Она прижалась к нему всем телом, поцеловала в губы, уколотившись о короткие, недавно подстриженные усы. Любил он жену ни быстро, ни медленно, с щадящей силой споровкой и добросовестностью, с какими пахал землю...

...на кровати рядом с ней еще сохранилась впадина от мужского тела, тяжелого и сильного, денница взъерошила там мех, влажный, слипшийся в острые сосульки, от-чего напоминал ежику, и сразу пригладила, чтобы не укололся тот, кому предстоит здесь лежать...

...он устало смотрел на жену и крутил рукой свои седые волосы над ухом, будто хотел намотать на палец и выдернуть, но слишком коротки были, соскальзывали. Тогда он, кряхтя и сопя, снял сапоги, долго разглядывал их, мял руками, напоминая покупателя, собравшегося по дешевке приобрести добротную вещь. Товар не понравился и был отброшен к печи, муж лег на бок, спиной к жене, и затих. Через какое-то время перевернулся на другой бок и погладил жену по голове, нежно, как ребенка.

Она сразу отозвалась на ласку, придвигнулась к нему, поцеловала в щеку, поросшую жесткой бородой, наполовину уже седой, отыскала губы и жадно припала к ним. Муж не откликнулся, но и не оттолкнул, и тогда она погладила рукой его живот, пах, бедра. И таки расшевелила его. Муж крепко обнял ее, навалился грузным телом. Она задвигалась, помогая ему, и получалось у них так ладно, что уже одно это доставляло удовольствие. Жена сдерживала себя, растигивая блаженство, а когда стало совсем невмоготу, когда решила, что пора, муж вдруг замер и постепенно ослаб. От обиды она вцепилась ногтями в перину и с громким скрипом пробороздила ее...

...она поднесла руки к глазам и повыковыривала из-под ногтей рыжие, беличьи шерстинки, собрала на ладони и дунула на них, отправив медленно спускаться на землю. Вот так и на денницу скоро дунут боги и улетит она из этого мира в другой, где встретится с родителями, братьями и сестрами и с любимым. Жаль, что так рано это случится, когда тело еще не разучилось чувствовать, но, с другой стороны, нет и желающих любить это тело.

Кто-то приподнял закрывающую вход бычью шкуру и в пещеру проник свет утренних сумерек и робкий по-свист ранних птиц. Шаркающей походкой вошел кудесник, остановился у очага. Худые руки его нависли над покрывшими пеплом углами, ловя последнее тепло.

— Пора? — спросила денница, приподнявшись на локтях и не спуская со старика испуганных глаз.

— Рано, — ответил он, не поворачиваясь к ней. — Должно быть двенадцать мужчин. Один погиб. Найти замену до восхода не успеем. Придется мне. — Кудесник посмотрел на денницу, которая, облегченно вздохнув, вновь легла, принял ее вздох за огорченный и добавил: — Трогать не буду: старый уже.

— Сколько тебе лет? — спросила она, чтобы оттянуть время.

— Много. Я был подростком, когда родилась мать твоей матери. — Он подошел к ложу, сел рядом с денницей. — Зажился, не забирают боги к себе. Долгая старость — наказание за нерастраченную молодость. — Он лег так, чтобы между ним и женщиной было расстояние в локоть, погладил бороду, длинную и седую, прокашлялся. — Ты похожа на свою бабушку, такая же красивая. Пока я был в плена — целых восемь лет, — она стала женою твоего деда...

...сгорбленный, с седыми, давно не стриженными волосами и бородой, разбитыми и грязными ногами, стоял он перед ней, опершись на ююку, и смотрел бесцветными, будто выгоревшими, и холодными глазами, а брови, кустистые и широкие, подергивались, выдавая тщательно скрываемое волнение. Что-то знакомое угадывалось в его лице, по крайней мере, не вызывало враждебности, какую испытываешь к чужаку, но и припомнить, где и когда встречалась с ним, она не смогла.

— Не узнаешь? — спросил он дребезжащим от старости или волнения голосом и попробовал улыбнуться, от чего брови задергались чаще, а крылья носа задрожали, как у хищника, почувствовавшего кровь. — Да, много воды утекло...

И она вспоминала, у кого так же дрожали крылья носа, когда она как бы ненароком дотрагивалась до его руки. Тогда они были юны и красивы и верили, что проживут жизнь вместе. Он ушел в поход — и сгинул, ни слуху ни духу, а она поплакала-погоревала два лета и вышла замуж: родители настаивали да и засидеться в девках боялись, детишек хотелось, которых боги так и не дали.

Она дотронулась кончиками пальцев до его носа, щеки, обветренной и морщинистой, попробовала пригласить пряди спутанной бороды. Он прижал ее руку к своим губам и посмотрел тем влюбленным взглядом, каким глядел много-много лет назад, и глаза его помолодели, налились синью весеннего неба. Она поцеловала его, благодаря за то, что сохранил юношеское чувство ярким и чистым, несмотря на все беды, а он погладил ее по голове так же нежно, ласково, как и в молодости...

...рука кудесника взлохматила волосы на затылке денницы и требовательно скжала их.

— Пора, — буднично молвил кудесник, точно денница предстояло сделать то, что делала каждый день, привычное и не страшное.

Она поверила этому голосу, неспешно встала с кровати, как вставала каждое утро, только не оделась, потому что не во что было, а отошла к очагу, угли в котором погасли и покрылись толстым слоем темно-серого пепла. Она чувствовала себя такой усталой, будто всю ночь носила тяжесть, а может, и всю жизнь, долгую, как у кудесника, и не знала в ней ни счастья, ни радости, ни покоя, и теперь хотела избавиться от бремени, чем скорее, тем лучше. На ее плечо легла рука кудесника, мягкая, приободряющая, но денница скинула дополнительную ношу — свою бы донести — и, с трудом переставляя непослушные, больные ноги, вышла из пещеры. Холодная и мокрая от росы травы приятно щекотала стопы, будила воспоминание из детства: солнечное утро, двор, поросший травой, лающая собачонка...

Там, где ночью была впадина с углями и костями, теперь стоял свежеоструганный столб, обложенный со всех сторон поленицами дров, теми самыми, что хранились под дубом, и из-под них выглядывали белые в черную крапинку языки бересты. Неподалеку от столба стояли в ряд десять мужчин с опухшими от пьянки лицами, кто с синяком под глазом, кто с разбитым носом или губами, но не было среди них того, кого хотела бы видеть денница. Она задержала взгляд лишь на пятом — была ли с ним? — и благодарно улыбнулась чахоточному, который, держась правой рукой за рукоять меча, дернулся было к ней, наверное, хотел спасти или погибнуть вместе с ней и замер, вперившись в нее полными удивления и

проскакать побережием
моря —
нашего времени.

***

Но вместо песни
песок на зубах.

*****

Наползает со всех сторон
сумрачный мерзкий страх,
в горле сдавленном стынет стон
и замерзает в висках.

Кровь из носа —
сожми кулаки,
еще не пришла пора:
за белой стеной лютой пурги
глазницы окон двора.
Разветвив листья, несет по земле
из осени в никуда
освистанных нищих.

угли во мгле,
рваные провода.

Криво поставлены ворота
судьбы лихой,

да чорт с ней!
лишь расслабишься, и маята
в глазах зарябят сильней.
Синие, красные кружат круги —
ни проблеска.

Но стой!

Пока стоишь —
как ни крути,
ничто не сладит с тобой.

*****

Сквозь сон зовущий теплый звон
мне напевает что-то.
И этот звон сквозь липкий сон
не призрак, не мираж —
он за окном.

гудит огнем
шмелевого полета,
и только с утренним лучом
уходит он,
пора!

Пора вставать, и утро вновь
по стеклам бьет лучами,
как в печке по поленьям дров
зимой стучится пламя.

Все окна настежь —
солнцу встреча!
Чтоб жизнь ворвалась в окна:
и звон ручьев,
и ветра смерч,
и небо в поволоке.

Мне ночь подарит, не спросив,
Непредсказуемость мгновенья,
Перечисляя в мой актив
Свои цветные сновиденья.

Брошенная

Лохмоногая,
ушастая,
смешная,
Не понять какой породы собачонка
Суетится, и пугливо приседая,
Озирается.
Глаза, как у ребенка —
Удивленные, большие, что-то ищут,
В них с надеждой перемешанный испуг,
Не до игр собачонке, не до пиши...
— Где ты?

Где же ты, хозяин-друг?!

Нет ответа.
Только сотни ног
Равнодушно проплыают мимо.
Если бы я мог —
я ей помог,
это мне, не ей, необходимо!
Но один лишь мог бы ей помочь,
Да навряд ли он вернется к ней.
Пусть спокойно спит он в эту ночь —
Человек,
бросающий друзей.
И пускай ему приснится сон,
Будто он в неведомой стране
Брошен,

позабыт
и обречен,
Пусть свою собаку вспомнит он —
С ней случилось это не во сне.

брзгливости глазами, а затем попятился, как от зачумленной. И остальные мужчины смотрели с отвращением на обнаженную старуху с коротко стриженными, седыми лохмами, синяками под обоими глазами, дряблой, морщинистой кожей, покрытой коричневыми, старческими пятнами, обвисшей грудью и задом, опухшими ногами со вздувшимися синими венами. Каждый из них, наверное, клял себя за то, что спяну переспал с таким страшищем.

Словно не заметив их презрения, денница неспешно подошла к столбу и, отказавшись от помощи кудесника, залезла на дрова. Старик, кряхтя, взобрался следом, привязал ее к столбу, лицом к идолу, стоявшему на возвышении из валунов. Темно-красные безжалостные глаза были как раз на одной высоте с ее глазами, и как она ни поворачивала голову, никуда не могла деться от его взгляда, только спину поцарапала о плохооструганный столб.

— Дрова отсырели, — тихо шепнул ей кудесник, — будет много дыма, он поможет тебе.

Кудесник слез с жертвенного костра, посмотрел на идола, кончики золотых волос которого уже вспыхнули под первыми лучами восходящего солнца и еще больше стали похожи на языки пламени, достал из костра длинную палку с намотанным на конце пучком сена, облитым какой-то темно-коричневой, вонючей жидкостью, и повернулся к мужчинам так, чтобы они не видели его левую руку.

Солнечные лучи опустились с волос на лоб идола, задержались ненадолго на нахмуренных бровях и зажгли ярко-красным огнем глаза. Кудесник сделал левой рукой еле заметное движение, которое уловила лишь денница, — и сено на конце палки вспыхнуло, а мужчины удивленно охнули, решив, что это идол воспламенил своим взглядом, и боязливо попятились. Старик обошел вокруг столба, поджигая бересту, которая затрещала и завертелась, как живая. Огонь перекинулся на дрова, они занялись сначала нехотя, потом все веселее и веселее.

Денница пошевелила ногами, стараясь прижать их к столбу, убрать подальше от пламени, но ремни не дали, и тогда она гордо вскинула голову и уставилась прямо в горящие, безжалостные глаза черного деревянного идола. Снизу подымался сизый дым, густой и горький, и, словно нарочно, обволакивал тело женщины, не спешил улетать в небо. Денница сперва старалась дышать пореже, но вспомнила слова кудесника и вдохнула полной грудью. Шершавый, терпкий дым прорвал горло, заскреб легкие. Денница закашлялась, из глаз потекли слезы, идол расплылся и потерял грозность, превратился в кого-то очень знакомого, а треск горящих дров, радостный и ритмичный, сладывался в мелодию...

...она узнала эту песню и голос певца, высокий и чистый, цепляющий за душу, будящий в ней щемящую грусть.

...Долго ждала суженого —
Выплакала очи.
Затянулось сине небо
Тучами багровыми.
Вышла на берег кругой
К бездонному омуту,
Утолила жар сердечный
Холодной водицей.

Он встал перед ней на колени, припал к стопам губами, горячими, страстными, поднимаясь все выше и выше...

...заходящее солнце неторопливо спряталось за деревья на краю леса, налив напоследок розовым светом облака, точно давало знать, что насытилось кровью и больше не гневается на русичей.

Кудесник протер слезящиеся глаза, проморгался, снимая с них усталость, повернулся к впадине, в которой дымились угли, долго смотрел на них, будто ожидал, что сейчас из-под пепла восстанет денница, живая и еще краше, чем была. Не дождался и пошаркал к идолу, сел на нижний валун. Ноги идола оказались как раз над головой старика, как бы стояли на ней, и чудилось, что оба они идолы — победитель и побежденный.

СКОМОРОХ

Рассказ

Древний княжеский терем, обнесенный валом с высоким тыном, стоял на краю похожего на бараний череп холма и нависал над дорогой и окраиной села, в которое она вела, и от строгого, гнетущего величия потемневших стен башен веяло силой, грозной и справедливой, но при более внимательном взгляде — не то из-за напоминающих клыки бревен тына, не то из-за узких бойниц и особенно окон, словно второпях прорубленных в уже построенным здании, не то из-за ярко-зеленых пятен мха на крыше, — возникало ощущение, что видишь обманку: снаружи крепкую, а внутри гнилую или червивую.

— Гнездо змеиное, — изрек приговор скоморох — бодрый старик невысокого роста с гибким, юношеским те-

лом и с редкими рыжеватыми усами, одетый в вылинявшие рубаху и порты, сшитые из разноцветных лоскутов, и остроконечную суконную шапку, почти новую.

— Почему, деда? — спросил мальчик лет десяти, конопатый, замурзанный и с давно нестриженными волосами, тоже рыжеватыми, но пока густыми. Догнав деда, он пошел медленнее, подволакивая, будто скользил на лыжах, босые ноги, по щиколотку утопающие в мягкой теплой серой пыли. — Почему? — повторил он вопрос и оглянулся на терем.

— Бог его знает, — ответил скоморох, поправляя на плечах лямки торбы, латаной-перелатаной, точно перешитой из сопревшей старой рубахи хозяина. — Иной раз видишь не умом, а сердцем, а оно близорукое, корень плохо зрит. Пойдем быстрее: народ разойдется с базара, ничего не заработка.

Село было не из бедных, но какое-то неухоженное, словно хозяева знали, что скоро покинут дворы, подадутся искать счастья в другие места. Однако сонные и будто безликие люди, похожие на осенних мух, бродили по улицам с такой ленью и безразличием, что трудно было поверить, что решатся на такой отчаянный и трудно выполнимый поступок, скорее забываются в щели и как-нибудь переждут плохие времена. Собаки и те, заметив чужих людей, не бросились на них с лаем, а затрусили, поджав хвосты, к погоду на краю села.

На базарной площади, где народу собралось много, было не то, чтобы тихо, но и обычной, — громкой и веселой — многоголосицы не слышалось, даже скотина и птица, выставленные на продажу, особо не гомонили. На паперти большой, ухоженной церкви сидел всего один нищий, видимо, слепоглухонемой, потому что не щевелился, когда сердобольная женщина торопливо, будто боялась, что кто-нибудь заметит, кинула монету в шапку, да промахнулась, и копейка со звоном упала у ног убогого.

Так бы и осталась лежать монета у ног нищего, если бы скоморох не поднял ее и не положил в шапку. Калека закивал благодарно головой, запрыгали длинные волосы, обнажив обрезанные уши и уставившиеся прямо перед собой пустые глазницы. Уверенно и безошибочно, будто видел дарителя, перекрестил нищий скомороха и что-то промычал, широко разевая безъязыкий рот и обнажая почерневшие, голые десны, только кутные зубы сохранились.

— Не приведи, господи! — перекрестившись, пожелал себе скоморох и пошел в дальний конец базарной площади, где около телег, охраняемых мальчишками, была незанятая широкая площадка.

Скоморох снял торбу, вынул из нее жалейку и четыре разноцветных мячики из конского волоса. Встав на поблевавший, вылизанный дождями камень, дед выдул из жалейки несколько звонких, веселых трелей и закричал бодрым голосом:

— Эй-гей, народ честной! Подходи, не робей, собирайся быстрой! Мы вам споем и спляшем и такое покажем, что растянутите рот до ушей и в него залетит воробей...

Внук прошелся колесом, несколько раз подпрыгнул, перекувырнувшись через голову. Худое тело его, будто сплетенное из ивовых прутьев, гибких и легких, словно от порыва ветра изогнулось назад, достав руками и головой до утрамбованной земли, встало на них и опять закувыркалось, напоминая перекати-поле, подгоняемое бурей.

Первыми сбежались мальчишки. Засунув грязные пальцы в приоткрытые рты, они с восхищением смотрели на своего ровесника, такого ловкого и бойкого. За ними подтянулись взрослые, остановились чуть поодаль и глядели с легким пренебрежением: эка невидаль!

Скоморох взял четыре мячики, и они словно сами по себе закувыркались над его головой, подлетая то выше, то ниже, или исчезая за спиной старика, а появляясь из-под приподнятой ноги, или падая вроде бы и в вырез рубахи, а вылетая из-за спины. Внук перестал прыгать и тоже достал из торбы три мячики, которые закружились над его головой чуточку быстрее, чем дедовы. Иногда дед и внук обменивались мячиками, и у мальчика оказывались то три красных, то два синих и два черных, то два красных и черных.

Из церкви вышли пятеро молодцов в серо-коричневых кафтанах, отчего напоминали коршунов. Всей стаей налетели они, как на куропатку-подранка, на нищего, захваченного нагайками. Народ на площади отпрянул от паперти, плотнее сбился у площадки, где трудились дед и внук. Из церкви неспешно вышагал дородный муж с седой головой и бородой, одетый в ярко-красную атласную ферязь с золотыми пуговицами. Он развернулся и перекрестился, глядя на купол церкви. Движения были степенные, строги, в них угадывалась привычка властвовать. Он развернулся лицом к площади, оглядел ее, задержался на скоморохе, возвышающимся на голову над толпой, на разноцветных мячиках, подлетающих вверх. Размягченное молитвами лицо не изменило своего выражения, но взгляд посурвел и как бы хлестнул старшего молодца, высокого и розовощекого, с загнутыми кверху кончи-

***
Приспособливаться не умею,
Прилипалой быть не могу.
Но от подлости я немею.
И слабо дать сдачи врагу.
Враг ли? Вроде не враг —
улыбается,
Речи теплые говорит.
Его слушаешь — умиляешься,
Отойдет — и нутро болит.

На свете подлости в достатке.
Добра нехватка — это да!
Но разберемся по-порядку —
Намного меньше ли добра?
Ведь даже самый «некоторый»
Хорош для близких и друзей.
А молодец во всем пригожий,
Для недругов своих — злодей.
Так кто есть кто? Необъясним
Круговорот добра и зла —
Вчера с одним,
Сейчас с другим,
А завтра вдруг —
с тобой беда!

***
Колодец, улица кривая,
десятак полинялых крыш,
и небо без конца и края,
и ты — одна под ним стоишь,
и теребишь конец косынки
как небо ярко-голубой,
и крыши, выцветшие льдинки,
плывут по небу над тобой.

***
Я вдруг заметил, что планета
Не взрослыми заселена,
А лишь детьми,
их добрым светом,
Лишь им на откуп отдана.

Мир стал теперь добрей и ближе,
И дети всей большой Земли —
я чувствую, я это вижу —
Мои,

мы из одной семьи.

Вопросительное

Чего-то, может, я не понял?
Ну, значит, позже разберусь:
Еще, быть может, будет проблеск.
Судить с налету не берусь.
И закавыка остается,
А с нею вместе — миражи.
Мне жизнь опять в лицо смеется:
Ты прав? Попробуй, докажи!

***
На колени встану пред иконой.
Не сочтите иноком меня.
Через все заслоны и препоны
Греюсь у небесного огня.

Журнал
"Приключения,
фантастика"
лучший подарок Вам
и Вашим детям!

Подписка
в любом отделении связи в
каталоге "Роспечать".

ками усов. Тот покорно склонил голову, затем сказал коротко что-то двум другим молодцам и, отделившись от процессии, которая во главе с мужем в ферязи направилась к терему, пошел неспеша, грубо расталкивая людей, в дальний конец базарной площади, к скомороху.

Дед понял безмолвный разговор хозяина и слуги и так же безмолвно, одними глазами, приказал мальчику заканчивать представление. Теперь все семи мячиков оказались у старика, а внук, будто балуясь, сорвал с его головы шапку и пошел по кругу, призывая зрителей заплатить, кто сколько может. То ли не желая расставаться с деньгами, то ли испугавшись приближения «коршунов», то или еще почему, но люди стали быстро расходиться, лишь несколько человек торопливо, на ходу, кинули в шапку по медяку.

Старший слуга, вертанув ухо белобрысого мальчишки, оказавшегося на его пути, подошел к скомороху, немного поглядел на старика и как бы дал себе время нальться злостью, потому что щеки из ярко-красных стали бурыми. Коротко махнув нагайкой, он ударили скомороха по рукам и, когда мячики попадали на землю, весело заржал. Вторя ему, засмеялись и двое подручных.

— Что ж это ты народ прельщаешь, отвлекаешь от церкви, а?! — одновременно с гневом и с издевкой спросил старший слуга. — Вместо того, чтобы грехи замаливать, они тут торчат, на бесовские игрища смотрят!

Двое младших слуг обошли скомороха с боков, остановились, поигрывая нагайками, в ожидании, когда старший натешится нравоучениями и даст знак приступить к делу. Они, казалось, не замечали мальчика, который ползал у их ног, собирая мячики.

— Ты, поди, безбожник? А ну, кажи крест!

Скоморох вынул из-за пазухи медный крестик на льняном гайтане, поднял на уровень глаз старшего слуги и, неотрывно глядя в них, заговорил монотонно и растягивая гласные:

— Смотри. Внимательно смотри. Вот сюда. В перекрестье. — Он повел крестик чуть влево — головы всех трех «коршунов» повернулись в ту сторону, повел крестик чуть вправо — головы повернулись туда. — Видишь? Крест истинный, освященный. Не безбожник я. — Старик покачал крестиком вниз-вверх — и «коршуны» закачали головами, точно соглашаясь с ним. — Ты уже отхлестал меня нагайкой. Пригрозил убить, если не уберусь из села. Можешь возвращаться к хозяину и доложить, что приказ выполнил. Понял?

— Да-а, — еле шевеля языком, вымолвил старший слуга.

Скоморох убрал крестик за пазуху и тихо, но властно произнес:

— Забирай подручных и иди в терем, — и громко добавил: — Иди!

Старший слуга вздрогнул, словно от пощечины, и с удивлением уставился на старика, не в силах понять, откуда здесь появился скоморох.

— Иди, — шепотом повторил дед и закрыл лицо руками, словно только что получил по нему нагайкой.

— Иди, — повторил старший «коршун», показал нагайкой помощникам, чтобы следовали за ним, и вразвалку, с ленцой пошел к княжескому терему.

— Эк, он тебя, ирод! — посочувствовал скомороху плюгавенький мужичонка, от которого за версту несло медовухой. — Рад выслужиться, пес шелудивый!

Скоморох опустил руки, и мужичонка заметил, что на лице нет отметин от нагайки, и недоуменно скривился. Подергал клочковатую бороду, настолько растрепанную, будто только что за нее таскали, мужичок произнес менее гневным тоном:

— Этот еще ничего: не слишком ретивый, жалость знает. Не служи он у тиуна, золотой человек был бы. — Он опять подергал бороду. — Вот тиун у нас — этот воистину ехидна кровожадная! По лицу — праведник, по делам — отродье сатаны.

— Что ж князю не пожалуешься?

— Били челом на тиуна — а толку? — Мужичонка поскреб снизу подбородок. — Тиун так повернулся, что чеобитчики и оказались виновными. Князь уехал, со свету их сжил. Видать, за грехи наши бог наказал нас этим отродьем. — Он перекрестился и пошел к тому ряду, где торговали медами.

Мальчик отдал деду пять монет — две копейки и три полукопейки — и произнес без обиды:

— И отсюда гонят.

— На то они и вольные хлеба:вольно и без хлеба остаются, — с наигранной бодростью сказал скоморох. — Что ж, пойдем дальше искать счастья.

Они купили два калача и кринку топленого молока, которые съели тут же, вернув посудину торговке — худой и сутулой старухе с кривым носом. Походив между рядами, скоморох поприценивался к разным товарам, поторговался и даже уговорил глуповатого мужика продать телушку за полушку, а когда пришло время бить по рукам, рассмеялся весело. Засмеялись и те, кто любопытства ради наблюдал за торгом, и начали подшучивать над мужи-

ком, хотя перед этим принимали все на полном серьезе и даже советовали не платить так дорого.

С базарной площади скоморох и мальчик вышли на ту улицу, по которой попали в село. Впереди заворачивали к замку три «коршуна». Видимо, из-за них и была пуста улица. Лишь кудлатая собака лежала в тени колодезного сруба и со страхом поглядывала на чужих. Во дворе напротив колодца с шумом распахнулись ворота, и собака, пождав хвост и уши, метнулась в кусты.

Из ворот вылетел черно-коричневый бык, широкогрудый, с налитыми кровью глазами и обломанным левым рогом. В ноздре торчало кольцо, с которого свисал обрывок толстой цепи.

Со двора послышался крик мужчины, одновременно сердитый и испуганный:

— Стой, чертова семя! Стой, кому говорят!

Бык мотнул головой, притопнул копытом и, наклонив голову и волоча обрывок цепи по дороге, попер на деда и внука. Казалось, нет на свете силы, которая сможет остановить эту глыбищу.

Скоморох скинул с плеч торбу, сунул ее мальчику и загородил его собой. Глубоко вздохнув, он уставился в бычьи глаза, большие и красно-черные, и напрягся всем телом так, точно уже стоял на саженях от человека бык словно бы налетел на крепкий дубовый забор, замер на месте и гневно забил копытами и замотал головой и цепью, поднимая серую пыль. Скоморох наклонил голову к левому плечу — и бык наклонил голову, но к правому; человек наклонил к правому — животное отзеркалило его движение; тогда старик резко запрокинул голову, будто от удара по затылку, — бык попробовал повторить, но не сумел и сразу обмяк, стал казаться ниже и худее. Человеческая рука опустилась на обломанный рог и повела покорное животное к распахнутым воротам, в которых стоял с кнутом босой мужик в рубахе навыпуск и смотрел на быка с подозрительностью, точно ему хотели всучить чужую скотину вместо его собственной. Отпущеный скоморохом, бык прошел в дальний конец подворья и остановился у столба, на котором висел обрывок цепи и, послушный, ждал, когда прикуют по-новой. Очнувшись, хозяин быстро подбежал к нему и сноровисто сделал это.

— Вернулся, чертова семя, — с любовью приговаривал мужик, — не успел набедокурить.

— И часто он срывается? — спросил скоморох.

— Частенько. И такой разбойник: двух человек уже покалечил, а сколько добра переломал — не счесть! Согласен меня разорил!

— Продал бы его или забил.

— Продать — никто не покупает, знают его норов, а забить — рука не поднимается: больно люб он мне, — пожаловался хозяин-мужик, почесывая быка за ухом, большим и заросшим длинной густой шерстью.

Скоморох сочувственно покивал головой и, вспомнив что-то, уставился на хозяина быка пристальным, тяжелым взглядом. Мужик обмяк, глаза его посыпали, а ноги подогнулись, словно вот-вот упадет.

— Цепь тонковата, поменять надо, — заговорил скоморох монотонно и растягивая гласные. — Ладно, в следующее воскресенье поменяю. Как служба в церкви закончится, тиун будет проходить мимо моего двора, тогда и раскую быка, чтобы цепь поменять. Раскую, а бык вырвется, чертова семя. А пусть побегает! Заплачу еще раз вино — всего делов. Зато тиуна пуганет. Ферязь на тиуне красная — ох как не понравится быку! Рассвирепеет! А пусть свирепеет. Не я виноват буду, а бык... Не я виноват буду... Не я... В следующее воскресенье, после заутрени... После заутрени.

Скоморох провел рукой перед лицом мужика, будто протер запотевшее окно, и другим голосом, громким и печальным, произнес:

— Так, говоришь, нет молока на продажу, хозяинка все на базар снесла?

— Нет, — быстро подтвердил мужик и уставился на скомороха удивленно, словно тот из-под земли появился.

— Нет так нет, — развел руками старик и повернулся к мальчику: — Пойдем у соседей спросим.

Хозяин быка проводил их до ворот и надолго замер там, глядя вслед старику и мальчику и пытаясь вспомнить что-то очень важное.

Любителем подлинной высокожесточной литературы!

Мастер психологически-философского романа

Юрий Петухов

Собрание сочинений в 8 томах

Заявки высыпать

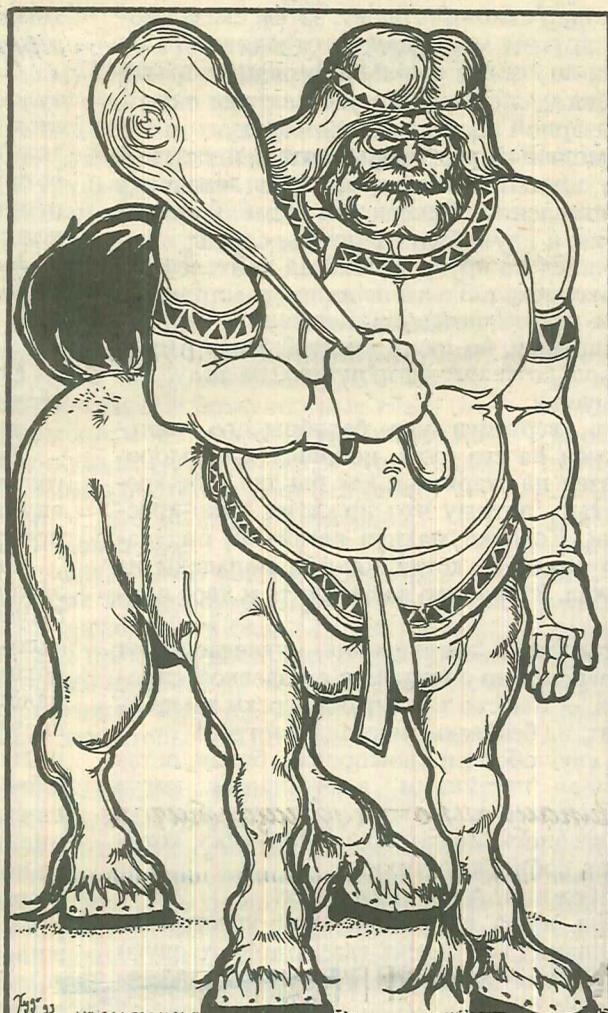
по адресу:

111123, Москва, а/я 40.

Энциклопедия нечистой силы

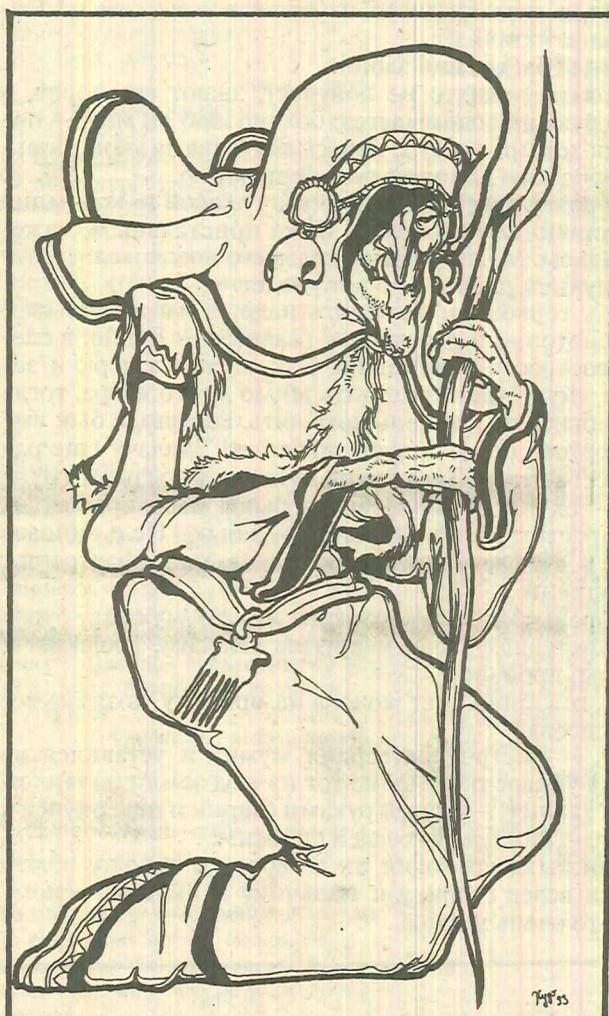
Кикимора. (др.русск. "кика" = птица + "мора" = смерть). Злобный женский дух, левая ипостась богини Мокоши, вредящая людям. Иногда жена домового. Прядет пряжу жизни в сырых, темных углах. Прообраз более разработанной греч. Арахны.

Китоврас, вар. полкан(русск.), кентавр (греч.), гандарвы (санскр.) Человек – конь. Образ зарожден в арийской среде во времена приручения лошади. Обладает мудростью и часто бывает наставником героев мифов, легенд.

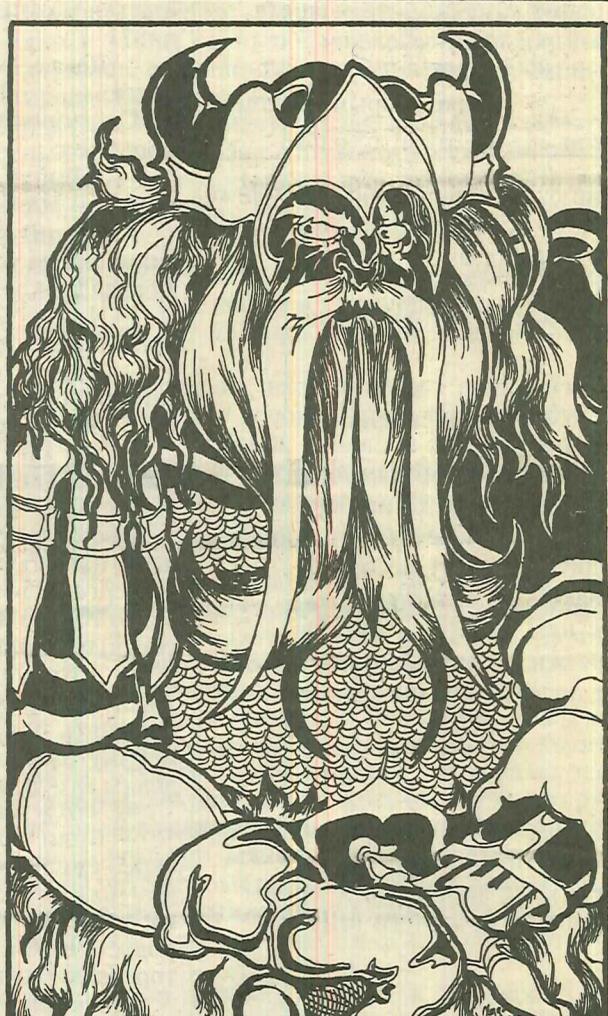
Леший. Злой дух враждебного человеку леса. Одна из основных ипостасей Велеса – медведя. Одновременно волк с рогами и копытами. В образе человека крив, хром и запахнут на левую сторону. Леший = "лесной". Имя табуировано. Он же "старик", "старый" – отсюда лат. "сатир", "Сатурн".

Лихо одноглазое. Злая доля. Бес – полое существо – одноное, кривое, худое, приносящее несчастье. Образ архаичен. У др.греков развит в Полифема. Изгой. Этиологически – "лишний". Слуга Велеса – Чернобога, его тень среди живых.

Овинник. Домашний дух, обитающий в овине, хранящий хлеб и оберегающий его от нечисти. Добрая ипостась Велеса. Угрюм, мрачен. "Батюшка". Предрекает девушкам суженого.

Чернобог. Основное прозвище табуированного Волоса – Велеса. Воплощение смерти и ужаса, выхода на Землю загробного и подземного миров. Проторусский образ – промежуточный в трансформации Волоса в "дядя-вала" = "бога – владыки присподней", "черного демона ада".

Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40.
Рег.номер 877 от 11.11.90 г. ГКП

Учредитель, гл.редактор – Ю.Д.Петухов
Издательство "Метагалактика" АР 060423

Перепечатка с разрешения редакции.
© "Голос Вселенной" 1996 г.

Цена свободная. Тираж 100 000 экз.
Подписано в печать 1996 г.

Голос Вселенной
6.96

Отпечатано в типографии издательства "Пресса"
Москва, ул. "Правды", 24. тип. № 295

По вопросам распространения
обращаться по т. 176.20.24.